

Своя

декабрь 2016

журнал
Никиты Михалкова

ПОБЕДНЫЙ МАРШАЛЬСКИЙ ТАНДЕМ: Жуков и Рокоссовский с точки зрения матери-истории

ФОТО: ЮРИЙ КАВЕРГИН / НОВОСТИ

Песнь свободе, гимн самодержавию

Просвещенный
консерватизм
по Карамзину

Знаете, каким он дедом был

Андрей Брежнев —
про популярного
генсека

Венгерский майдан в «картинах» Серова

О чем поведали
генеральские
тетради

В павильоне №57 ВДНХ ежедневно, кроме понедельника, с 10.00 до 20.45 действует исторический парк «Россия — моя история» с тремя мультимедийными экспозициями, посвященными 1000-летию царствованию династий Рюриковичей и Романовых, а также жизни страны в первой половине XX века.

Раздел «XX век. 1914–1945 гг. От великих потрясений к Великой Победе» вмещает в себя все важные события минувшего столетия: это и участие Российской империи в Первой мировой, и ключевые моменты Гражданской войны, периоды коллективизации и индустриализации, а также беспримерный подвиг русского народа в Великой Отечественной.

В экспозициях используются современные технологии музейного показа, в том числе голограммы,

интерактивные сенсорные экраны, проекционный купол, видеопанели с трехмерными историческими реконструкциями, аудиогиды.

Эффект информационного погружения усиливается с помощью профессиональных звуковых и световых систем.

Для детей проводятся мастер-классы, семинары и экскурсии. Музей рассчитан на одновременное пребывание до 5 тысяч человек. Мультимедийная экспозиция «Россия — моя история» занимает площадь 22 000 квадратных метров, расположена на двух ярусах павильона №57.

Этот имеющий общенациональное значение проект осуществлен при поддержке правительства Москвы.

ФОТО: ВЯЧЕСЛАВ ПРОКОФЬЕВ/ТАСС

ФОТО: МАКСИМ БЛИНОВ/РИА НОВОСТИ

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя Необходимость Большой Уборки	28–31	Война и мир Крылья ленд-лиза Как англосаксы помогали нам разгромить Гитлера
3–7	Достояние Песнь свободе, гимн самодержавию	32–35	Ретроспектива Венгерский майдан в «картинах» Серова
8–11	Русский гений Двойной человек Николай Некрасов: высоты и падения	36–39	Советская власть Знаете, каким он дедом был
12–15	Философ о философе Преодолеть интеллигенцию Георгий Федотов: формулы распада души	40–43	Стоп-кадр Контроль над дураком Юрий Никулин — самый мудрый Балбес
16–18	Родное слово «Вперед, заре навстречу!» Путеводная нить Александра Фадеева	44–47	На семи холмах Приключения британцев в России «Старый Английский двор» вскоре прирастет невиданным парком
19–21	Великие реалисты От Гурзуфа до Парижа Зачем отец русского импрессионизма покупал револьвер	48	Трапезная Лещ — это вещь!
22–27	Полководцы Победный маршальский тандем		

Главный редактор Алексей Зверев, **шеф-редактор** Наталья Семина, **ответственный секретарь** Сергей Громов

Отдел рекламы: +7 (499) 418-0499 доб. 44-32

Отдел распространения: +7 (495) 685-4925, +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (499) 418-0499, +7 (495) 685-0633

«СВОИ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

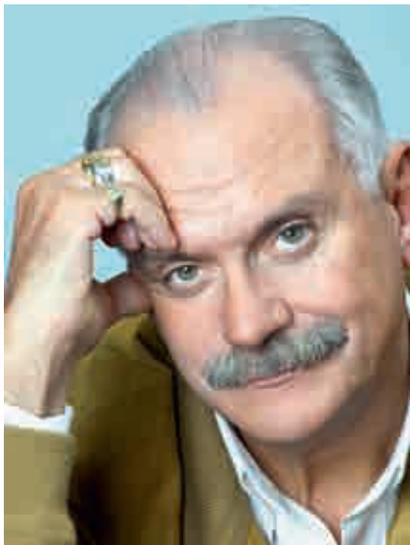
Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в типографии ООО «Первый полиграфический комбинат»

Тираж 40 163

Подписано в печать 15 ноября 2016 г.

Необходимость Большой Уборки

В XX столетии мы, русские, а затем советские люди, дважды теряли нашу большую Родину, страну, где появлялись на свет Божий, росли, чему-нибудь и как-нибудь учились, трудились и сражались, переживали радости и горести.

Как и почему произошел рецидив краха четверть века назад? Сегодня мы часто задаемся именно этим вопросом, ибо потрясения 1991 года значительно ближе к нам по времени, нежели катаклизмы 1917-го, а последствия «демократических реформ» Россия ощущает на себе и по сей день. В обоих случаях к гибели государства привели весьма схожие факторы. Обычно среди роковых причин упоминаются социально-экономические трудности, деградация госуправления, войны (либо «избыточные» приготовления к ним), активизация противников извне и их «пятой колонны» изнутри... Все это по-своему справедливо, я бы не стал тут ни с чем спорить, но внес бы одно принципиальное дополнение.

Много лет пытаюсь привлечь внимание соотечественников вот к какой проблеме: при всех победах и достижениях, при самых разных политических режимах мы так и не стали — что уж греха таить — обществом, для которого культура быта близко связана со словом «культ». Не осознали всей нацией насущную потребность в том, чтобы повсюду, куда бы ни падал взгляд, добросовестно убираться, навести порядок, обеспечить уют на нашей земле, в нашем великом общем доме.

Объективные причины понятны: страна перманентно попадала из огня да в полымя — войны и разрухи, бунты и революции, эпидемии и стихийные бедствия, реформы и «реформы». Добавим к этому суровый климат, пресловутое рискованное земледелие, а также, по меткому выражению Александра III, «нашу огромность» — и придем к закономерному выводу: русскому человеку было обыкновенно не до стрижки лужаек...

Не знаю, какие испытания могут ждать нас в будущем, но абсолютно уверен: собственную страну, свою среду обитания мы просто обязаны регулярно обихаживать. Этому надо посвятить масштабные госпрограммы, ибо забота о родной земле конкретно, беспардонно и надежно воспитывает в человеке любовь к этой самой земле — патриотизм, о котором мы много и правильно говорим в последние годы. Страна, пережившая тяготы «большой чистки» и пошлость «Большой стирки», просто нуждается в Большой Уборке, способной объединить всех, кто любит Россию, хочет здесь жить и не ищет для себя запасные аэродромы.

Не стоит решать подобные задачи директивами сверху. Лучше, как мне кажется, использовать некую форму игры (вроде популярных ныне флеш-мобов), постепенно вовлекая в действие все новых и новых участников. А также талантливых артистов, шоуменов, популярных политиков — тех, кто способен увлечь общество архиполезной идеей, избежав сползания в принудилровку. Если это получится, у недругов России, всевозможных хулителей нашего Отечества заметно поубавится традиционных поводов для демонстрации русофобии.

A stylized, handwritten signature in black ink, appearing to be the author's name.

Песнь свободе, гимн самодержавию

«Кто в молодости не был либералом — у того нет сердца, кто к старости не стал консерватором — у того нет ума» — эта знаменитая формула (существующая в паре вариаций) представляется спорной. И для либерализма требуется хоть немного ума, иначе дело закончится не свободой, а голодом и резней. И носителю идей консерватизма нужно большое сердце, дабы сочувствовать и жертвам перемен, и «щепкам», летящим в разные стороны при наведении должного порядка. Тем не менее судьба Николая Карамзина — со дня его рождения 12 декабря исполняется 250 лет — описывается приведенным афоризмом довольно полно.

Егор Холмогоров

«**В**СЕ жалкие иеремиады об изменении русского характера, о потере русской нравственной физиогномии или не что иное, как шутка, или происходят от недостатка в основательном размышлении. Мы не таковы, как брадатые предки наши: тем лучше! Грубость наружная и внутренняя, невежество, праздность, скука были их долею в самом высшем состоянии, — для нас открыты все пути к утончению разума и к благородным душевным удовольствиям. Все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских, и что англичане или немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то мое, ибо я человек!»

«Презрение к самому себе располагает ли человека и гражданина к великим делам? Любовь к Отечеству питается сими народными особенностями, безгрешными в глазах космополита, благотворными в глазах политика глубокомысленного. Просвещение достохвально, но в чем состоит оно? В знании нужного для благоденствия: художества, искусства, науки не имеют иной цены. Русская одежда, пища, борода не мешали заведению школ... Не говорю и не думаю, чтобы древние россияне под великокняжеским или царским правлением были вообще лучше нас. Однако ж должно согласиться, что мы с приобретением добродетелей человеческих утратили гражданские. Имя русского имеет ли теперь для нас ту силу неисповедимую, какую оно имело прежде?.. При царе Михаиле или Феодоре вельможа российский, обязанный всем Отечеству, мог ли бы с веселым сердцем навеки оставить его, чтобы в Париже, в Лондоне, Вене спокойно читать в газетах о наших государственных опасностях? Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях,

А. ВЕНЕЦИАНОВ. «ПОРТРЕТ Н.М. КАРАМЗИНА», 1828

гражданинами России.

Трудно представить себе, что эти две великолепные, сочные

и абсолютно противоречащие друг другу формулировки могли выйти из-под пера одного человека. И все-таки в обоих случаях — Карамзин. Первый — восторженный юноша, оказавшийся за границей («Письма русского путешественника», 1791). Второй — двадцать лет спустя, умудренный опытом автор «Записки о древней и новой России», читающий ее Александру I, предостерегающий от опасных западных экспериментов: двенадцать языков уже скапливаются у русских границ ради грандиозного вторжения, которое обернется Отечественной войной 1812 года.

В молодости Карамзин шокировал подчеркнутым антипатриотизмом даже собратьев-масонов: «Обо всем, что касается отечества, он говорит с презрением и несправедливостью поистине возмутительной, обо всем, что касается чужих стран, он говорит с вдохновением», — возмущался один из читателей «Писем».

Что же стоит между двумя веками — помимо изменения возраста, приобретения житейской опытности, революции, вспыхнувшей в Париже на его глазах (он ходил, «нацепив трехцветную кокарду»), начавшейся с идеи свободы, а приведшей к кровавой жатве террора

и деспотизму властного корсиканца? Как литератор-сентименталист с репутацией отчаянного патриота за границы, тот, чье имя было символом французской моды и отвержения старого славянского языка, превратился в одного из столпов русской партии и русского же самосознания, в убежденного и умеющего убеждать охранителя?

Тем центральным, наиболее сильным звеном, за которое он ухватился, стала русская история. Едва позволив себе эдакую лирическую насмешку над предками, сам писатель, кажется, с нею уже и не согласен. В его «европейничаньи» больше литературной позы, чем внутреннего убеждения. В 1792-м, только что заключив «народное — ничто перед человеческим», Карамзин берется за историческую повесть «Наталья, боярская дочь» и открывает для себя, что национальное своеобразие — залог литературной поэтичности.

«Кто из нас не любит тех времен, когда русские были русскими, когда они в собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своим языком и по своему сердцу, то есть говорили, как думали? По крайней мере, я люблю сии времена; люблю на быстрых крыльях воображения летать в их отдаленную мрачность, под сению давно истлевших вязов искать брадатых моих предков, беседовать с ними о приключениях древности, о характере славного народа русского».

И вот уже он одержим мыслью представить национальную летопись как чрезвычайно яркую, исполненную красоты, величия, самобытного изящества. Возмущается тем, что соотечественники не знают родной старины. Уверен, что русская история содержит в себе отнюдь не меньше блистательных страниц, чем у других народов, древних и новых. Ей недостает лишь занятого литературного изложения в соответствии с правилами европейской словесности, и Карамзин готов положить свой талант на алтарь возвеличивания былой России.

«У нас до сего времени нет хорошей российской истории, то есть писанной с философским умом, с критикою, с благородным красноречием. Тацит, Юм, Робертсон, Гиббон — вот образцы! — пишет он еще из Парижа. — Говорят, что наша история сама по себе менее других занимательна; не думаю: нужен только ум, вкус, талант. Можно выбрать, одушевить, раскрасить, и читатель удивится, как из Нестора, Никона могло выйти нечто привлекательное, сильное, достойное внимания не только русских, но и чужестранцев... Что неважно, то сократить... но все черты, которые означают свойство народа русского, характер древних наших героев, отменных людей, происшествия действительно любопытные описать живо, разительно. У нас был свой Карл Великий — Владимир; свой Людовик XI — царь Иоанн; свой Кромвель — Годунов; и еще такой

государь, которому нигде не было подобных — Петр Великий...»

Здесь перед нами пока еще мысли художника: неважное — пропустить, нужное — выделить, представить поярче. Карамзинский взгляд на русскую историю остается какое-то время космополитическим. Ставится задача подать оную не хуже, чем у европейцев, найти аналогии и выразить ее «общечеловеческое» содержание, одинаковое у всех западных народов: через тернии деспотизма и варварства к триумфу просвещения и свободы.

Но Карамзин-историк скоро превосходит Карамзина-писателя. В 1803 году высочайшим повелением он назначается историографом. Может заняться составлением труда по изложенному некогда проекту: взять Несторову и прочие опубликованные летописи, труды предшественников — Василия Татищева и Михаила Щербатова, а далее расцвечивать, сокращать, придавать выпуклость. Иными словами — обратиться к привычному ремеслу литератора.

Николай Михайлович идет другим путем. Вместо того чтобы *писать* историю, начинает ее *изучать*. «*Не верю той любви к отечеству, которая презирает его летописи или не занимается ими... Чтобы знать*

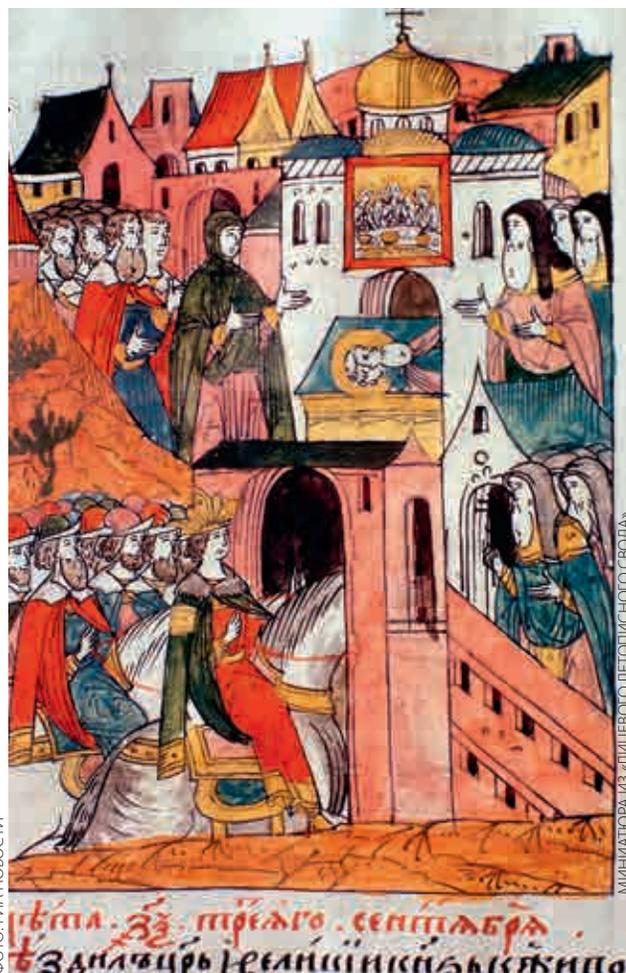

ФОТО: РИА НОВОСТИ

МИНИАТУРА ИЗ «ЛИЦЕВОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА»

настоящее, должно иметь сведения о прошедшем». Погружается в пыльные летописи. Перечитывает все древнерусские манускрипты, какие только способен достать. Учится быть источниковедом, археографом, текстологом, хронологом, историческим географом. Уже готовые тома переписывает заново, так как найден важнейший, первоклассный источник — Ипатьевская летопись.

Новым высоким наслаждением вместо красоты слога становится удовольствие, получаемое от подлинности. «Картины не заменяют летописей», — как бы критикуя себя молодого, пишет он в предисловии к «Истории». Сегодня можно только подивиться, насколько изложение двухсотлетней давности, сделанное человеком, не кончавшим никаких истфаков (их тогда и не существовало), свободно от прилизанности, торопливости и верхоглядства.

Карамзин начинает иначе смотреть на вещи. Уже не ищет в отечественной летописи лишь подобия европейских картин, но открывает для себя оригинальную стройную логику национального прошлого, подпадает под диктат тысячелетней древности, задающий ходу русского времени иной такт, иные смыслы. Осознает, что Россия как держава стала возможна лишь благодаря тому особенному, что есть в ее истории. И если это особенное отринуть, то Отечество растает, не оставив даже дыма. Так певец якобинской свободы превращается в пламенного защитника самодержавия — «палладиума России».

«Молодой либерал» Пушкин явил: «В его «Истории» изящность, простота / Доказывают нам, без всякого пристрастия, / Необходимость самовластия / И прелести кнута». Но даже в этой издевке российский гений тонко указал на главное в позиции Карамзина: самодержавие — не невеста откуда взявшаяся тирания, а *необходимость*, образовавшая страну, обеспечившая

Великая княгиня Екатерина Павловна

ее выживание, сделавшая русских одним из самых многочисленных народов мира, распространившая нас на огромные, немислимые пространства в качестве коренных, исторических жителей.

«Взглянем на пространство сей единственной Державы: мысль цепенеет; никогда Рим в своем величии не мог равняться с нею, господствуя от Тибра до Кавказа, Эльбы и песков Африканских. Не удивительно ли, как земли, разделенные вечными преградами естества, неизмеримыми пустынями и лесами непроходимыми, холодными и жаркими климатами, как Астрахань и Лапландия, Сибирь и Бессарабия, могли составить одну Державу с Москвою? Подобно Америке Россия имеет своих Диких; подобно другим странам Европы являет плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть Русским: надобно только мыслить, чтобы с любопытством читать предания народа, который смелостию и мужеством снискал господство над девятою частию мира, открыл страны, никому дотоле неизвестные, внеся их в общую систему Географии, Истории, и просветил Божественною Верою, без насилия, без злодейств, употребленных другими ревнителями Христианства в Европе и в Америке, но единственно примером лучшего».

Порой защита самодержавия требовала от него не меньшего мужества, нежели от иных — рево-

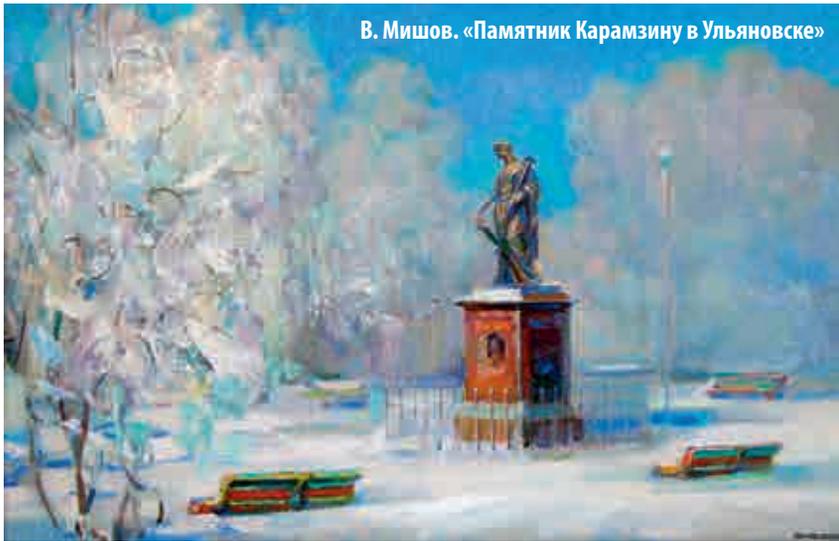
Александр I

люционная борьба с монархией. В апреле 1811-го в Твери, во дворце великой княгини Екатерины Павловны, он зачитывает императору фрагменты из «Истории». А кроме того — «Записку о древней и новой России», где дает общую картину нашего прошлого, но главное — сурово препарирует либеральные мечтания самого царя, его друзей и советников, включая Сперанского, мечтавшего ввести в России «Кодекс Наполеона».

Александр I представлен четкий, бескомпромиссный манифест русского консерватизма. «Для того ли существует Россия как сильное государство около тысячи лет? Для того ли около ста лет трудимся над сочинением своего полного Уложения, чтобы торжественно пред лицом Европы признаться глупцами и подсунуть седую нашу голову под книжку, слепленную в Париже 6-ю или 7-ю экс-адвокатами и экс-якобинцами?»

Консерватизм, выстраданный, выведенный из трудов по русской истории, отливается в четкую формулу: «Для старого народа не надобно новых законов». Россия уже сбылась как историческая реальность, доказала свою состоятельность как государство, и нельзя радикально менять ее общественные и политические принципы. Необходимо просвещение, требуется улучшение нравов, а не разрушение русской идентичности во имя новомодных европейских образцов.

В. Мишов. «Памятник Карамзину в Ульяновске»

Идеи Карамзина задают направление славянофильству — самому оригинальному и продуктивному течению национальной мысли. Историк с искренним гневом и патриотическим пристрастием обрушивается на кумира своей молодости Петра за унижение русского достоинства: *«Искореня древние навыки, представляя их смешными, хваля и вводя иностранные, государь России унижал россиян в собственном их сердце».*

Особенный упрек адресует преобразователю за то, что затеянное тем отчуждение русских от самих себя было немирным, насильственным: *«Петр, любя в воображении некоторую свободу ума человеческого, долженствовал прибегнуть ко всем ужасам самовластия для обуздания своих, впрочем, столь верных подданных. Тайная канцелярия день и ночь работала в Преображенском: пытки и казни служили средством нашего славного преобразования государственного. Многие гибли за одну честь русских кафтанов и бороды».*

И вот здесь проявляется то консервативное понимание свободы, которое заставило бы Пушкина посоветиться разглагольствовать о «прелестях кнута». Карамзин приветствует самодержавие как концентрацию власти с целью исторического величия нации, но ненавидит деспотизм как произвол, как бессмысленную растрату народных сил, орудие отчуждения

Карамзин приветствует самодержавие как концентрацию власти с целью исторического величия нации, но ненавидит деспотизм как произвол

русского человека от его природы. Опыт западнического деспотизма Петра доказывает Николаю Михайловичу, что дело свободы и гуманности и процесс «европейской интеграции» — далеко не одно и то же. Он бы не удивился тому, как нынешняя Европа поощряет убийства, пытки, казни, тайные тюрьмы для русских ради осуществления «европейских ценностей».

Своей смелой запиской историк производит переворот в душе Александра Благословенного, во многом обуславливающий героическую оборону России в 1812 году. В 1819-м Карамзин в жестко сформулированном «Мнении русского гражданина» предупреждает государя о пагубности внушаемой его польскими друзьями идеи восстанова «прирезав» ей Украину и Белоруссию.

И снова противопоставляет идею исторической обязанности самодержца как *средоточия нации* при-

хотям *самовластного произвола*, ведущего к раздаче «кемских волостей» направо и налево.

«Скажут... <Екатерина> незаконно разделила Польшу? Но Вы поступили бы еще незаконнее, если бы вздумали загладить Ее несправедливость разделом самой России. Мы взяли Польшу мечом: вот наше право, коему все государства обязаны бытием своим, ибо все составлены из завоеваний. Екатерина ответственна Богу, ответственна истории за свое дело; но оно сделано, и для Вас уже свято... Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россию бездушной и бессловесной собственности? Будете ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими, кого за благо рассудите?»

Карамзин грозит императору: русский народ в случае подобного предательства попросту отвернется от него, утратит прежний пыл в служении Отечеству. Да, у царя останутся генералы и министры, но они будут служить не как граждане и патриоты, а как рабы и наемники.

И вновь историк-мыслитель указывает на парадоксальную смесь самодержавия и свободы для прихотей либеральной деспотии, призванной понравиться иностранцам. Опять оказывается смелее революционеров, но в то же время конструктивнее, национально «чище», исторически прозорливее, нежели те.

Меньше чем за год до смерти Николай Михайлович писал: *«Для нас, русских с душою, одна Россия самобытна, одна Россия истинно существует; все иное есть только отношение к ней, мысль... Мыслить, мечтать можем в Германии, Франции, Италии, а дело делать единственно в России».*

Его жизнь была подчинена русской истории. И как прошлому, которое он изучал, постигал, описывал. И как настоящему, в котором действовал в роли политика — ради будущего. Чтобы тысячелетняя цепь великого бытия не порвалась.

Русский гений

Н. Некрасов

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Двойной человек

Валерий Бурт

Этот портретный образ хорошо знаком с детства: задумчивый, худощавый господин с характерной архиерейской бородкой... Представители старшего и среднего поколений когда-то добросовестно заучивали сочиненные Некрасовым стихотворения. Повторяли из учебника литературы: гражданин-поэт боролся с темными силами, радел об угнетенных крестьянах, проливал слезы над их горькой долей. Беда всех подобных «аксиом» в том, что за ними, конъюнктурными, «политически окрашенными» штампами, не видна во всей полноте сложная, уникальная личность, с ее несомненными достоинствами и недостатками, духовными взлетами и падениями.

ПРОИЗВОДИТЬ переоценку его творчества «в связи с изменившимися обстоятельствами» было бы глупо: едва ли кто-то может соперничать с Некрасовым по части экспрессии народных образов — будь то детско-хрестоматийный Мужичок-с-ноготок или Женщина Русских Селений, или кто-то (что-то) еще, первым делом всплывающие в памяти по самым разным причинам и поводам. Эти образы просто невозможно изъять из нашей души. Что же касается священного долга быть в первую очередь гражданином, а потом уже поэтом, то ему, как, наверное, никому из собратьев по перу, приходится до сих пор «отдуваться» за собственные же строки.

Еще над гробом поэта в конце декабря 1877 года (по старому стилю) возник спор о его месте в русской литературе. Достоевский, произносивший речь у открытой могилы, поставил Некрасова вслед за Пушкиным и Лермонтовым. Тут же его прервали несколько голосов: «Он выше их, выше!» Толпа подхватила восторженно-благодарный порыв, но то был всплеск эмоций.

Незадолго до этой траурно-пафосной мизансцены многие почти доподлинно знали, что он угасает. Но в «Отечественных записках» появлялись новые стихи, и многочисленные поклонники Некрасова им искренне радовались. И в то же время содрогались при мысли, что дни кумира сочтены. Когда настал его смертный час, выражали свою скорбь возвеличиванием поэта.

Устный спор быстро перекинулся тогда на страницы газет и журналов, был долгий, яростный, но победителя не выявил. Конечно же, Некрасову судьба дала недюжинный талант. И, возможно, Николай Алексеевич заслуживал высокой чести встать рядом с Пушкиным и Лермонтовым. Однако вполне допустимо в этом и усомниться. Дело во вкусах, симпатиях и антипатиях изменчивой публики, сиюминутных «вердиктах» добрых и злых критиков. И — во времени, его, так сказать, велениях и веяниях.

Ему отдавали должное при жизни, но, несмотря на популярность, объективной оценки он не удостоился. К тому же многие произведения этого крупного автора из-за цензурного давления остались под спудом. Уместно вспомнить, как Фаддей Булгарин доносил в тайную полицию: «Самый отчаянный коммунист: стоит прочесть его стихи и прозу... чтоб удостовериться в этом. Он страшно вопиет в пользу революции». В ту пору Некрасову было двадцать шесть.

Позже он и вовсе разгулялся в обличении самодержавных устоев. Напряженно ждал радикальных перемен: «Душно! без счастья и воли / Ночь бесконечно длинна. / Буря бы грянула, что ли? / Чаша с краями полна!»

Огромную посмертную славу, о которой, верно, не мечтал при жизни, он обрел уже при советской вла-

Музей-заповедник «Карабиха»

ФОТО: БОРИС ЕПИН/РИА НОВОСТИ

В. Кузьмичев. «Н.А. Некрасов, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов в редакции «Современника»

сти. Главным образом — благодаря Ленину, который его «заметил» и оценил. «Я помню, — писала Надежда Крупская, — как меня удивляло знание Владимиром Ильичом Некрасова». И неспроста — пролетарский вождь часто использовал некрасовские строки в своих статьях. Отмечал, пусть и с оговорками, что симпатии поэта были на стороне революционной демократии.

Хоть и навязанный сверху — частым цитированием, включением в школьные программы, благостными оценками, — Николай Алексеевич пришелся по вкусу широким массам. Он воспевал красоту природы, народные традиции. «Муза мести и печали» звенела громко и призывно, нарисованные им картины были пронзительны, исполнены боли. Некрасов восторгался русской женщиной, которая «коня на скаку останавливает в горящую избу войдет». И мужик русский — труженик и страдалец — был ему как будто духовно и душевно близок.

Иные его стихотворения, сочиненные в позапрошлом веке, вовсе не истрепались и в нынешнем столетии. Вот лишь один пример: «Ты и убогая, / Ты и обильная, / Ты и могучая, / Ты и бессильная, / Матушка Русь!»... Сколько раз в новейшей истории эти слова можно было повторять!

Вопрос же «Кому на Руси жить хорошо» стал, как принято говорить, сакраментальным и, похоже, на-

всегда повис в воздухе. Строки из стихотворения «Железная дорога» — о страданиях нашего народа — также вечны, их впору выбить в бронзе:

*Вынесет все — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только — жить в эту пору
прекрасную
Уж не придется — ни мне, ни тебе.*

Бывало, что пытались уличить его в обмане: мол, не верит он в то, за что борется. Причем говорили это люди известные, уважаемые — Лев Толстой, Аполлон Григорьев, Василий Боткин и другие. «Двойной человек» — сердито косился на него литературовед Александр Пыпин. А историк Тимофей Грановский находил Некрасова «неприятным», «отталкивающим», хотя и не отказывал в даровании.

Упреки же в лицемерии объяснялись примерно так. Барин-де пишет о страданиях народа, страшной убогости его быта, а сам живет не то что сытно — роскошно: пиры закатывает, царские охоты с поварами, егерями, лакеями устраивает, да еще и в обществе князей и министров. Мало того — ошеломительные деньжищи в карты выигрывает.

В картежном деле он действительно слыл умельцем непревзойденным. В отличие от прадеда и деда, проигрывавших крепостных тысячами, Николай Алексеевич картами зарабатывал. Играл в Английском клубе, где собирались люди преимущественно состоятельные. Для тех картишки были удовольствием, а посему они легко, улыбаясь, не выпуская из рук бокалов с вином, прощались с большими суммами. К тому же играли зачастую спустя рукава. Не то — Некрасов: он сосредотачивался, заряжался на борьбу. Перед картами отдыхал, принимал ванну. Да и класс его как игрока был весьма высок. Случалось, уступал, но счет побед выглядел гораздо внушительнее. По слухам, лишь у одного министра финансов Александра

Абазы поэт выиграл в общей сложности более миллиона франков. Изрядно опустошил и кошелек Александра Адлерберга, приближенного самого императора, генерал-адъютанта.

Шальные деньги позволили сколотить изрядный капитал. Справедливости ради заметим, что небольшую часть средств он пустил на издание «Современника».

Богатство зрелого Некрасова стало своего рода компенсацией фортуны за бедность и унижения, сопутствовавшие его юности. Некогда он поступил наперекор желаниям отца, зажиточного помещика, требовавшего, чтобы сын пошел по военной части. Тот же хотел посвятить себя сочинительству. Поэтому они основательно разругались.

Оставшись без финансовой поддержки, будущий литератор влачил жалкое существование: обитал в петербургских трущобах, ходил чуть ли не в лохмотьях, порой у него не было даже мелкой монеты на кусок хлеба.

Тем не менее нашел себя, выбился в люди благодаря неустанному труду. Давал уроки, публиковал статьи, сочинял сказки в стихах, водевили для Александринского театра. Сумел поднакопить денег и издать собственный сборник под названием «Мечты и звуки». Охотников до такого чтива оказалось мало, и раздосадованный автор скупил оставшиеся экземпляры, а затем уничтожил.

Неудача не обескуражила дебютанта. Он продолжал неустанно трудиться, его имя начали упоминать в литературных кругах. Совсем молодым — в ту пору ему было едва за двадцать — Некрасов стал сотрудником «Отечественных записок». Продолжил издаваться — выпустил несколько альманахов, а также роман «Жизнь и похождения Тихона Тростникова». После вместе с писателем Иваном Панаевым взял в аренду у поэта Петра Плетнева «Современник».

Последний превратился в рассадник инакомыслия, чуть ли не революционную трибуну. В то же время на его страницах заблистали Щедрин, Герцен, Огарев, Тургенев, Островский, Гончаров, Григорович. И, разумеется, сам Некрасов.

Талант его рос, известность вышла далеко за пределы Петербурга. Говорили не только о несомненном даровании, но и о поступках, с точки зрения «прогрессивной общественности», неблагоприятных. Один из таковых нашумел особо: в апреле 1866-го на обеде в Английском клубе Некрасов выступил с хвалебной одой генералу Михаилу Муравьеву-Виленскому. Тому самому, который за жестокость при подавлении Польского восстания получил от революционных демократов прозвище «Муравьев-вешатель».

Слух о происшедшем мигом разнесся по городу. Что тут началось! Недоброжелатели всласть покуражились — едко высмеивали, «посвящали» издевательские эпиграммы. Досталось и от поклонников: те срывали со стен его портреты, писали на них слово «подлец» и посылали поэту по почте.

Что двигало тем «проступком» Николая Алексеевича? Прежде чем ответить на этот вопрос, следует вспомнить еще одно событие. За пару недель до злополучного обеда было совершено покушение на Александра II. Царь уцелел благодаря бдительности крестьянина Осипа Комиссарова, толкнувшего Дмитрия Каракозова, когда тот намеревался сделать губительный выстрел.

Председателем Верховной комиссии по делу о покушении назначили Муравьева-Виленского. Эта весть привела в панику столичную интеллигенцию, ибо многие ее представители опасались, что генерал снова проявит свой чрезвычайно крутой нрав. Перепугался и Некрасов, который поспешил подписать царю адрес, выразил «глубокую скорбь о неслыханном

в России преступлении» и «беспредельную радость о сохранении горячо любимого монарха». Кроме того, сочинил стихи в честь Комиссарова:

*Сын народа! тебя я пою!
Будешь славен ты много и много...
Ты велик — как орудие бога,
Направлявшего руку твою!*

Но на этом стихотворец не успокоился и, дабы отвести от себя все подозрения в неблагонадежности, отправился на поклон к Муравьеву. Впрочем, была еще одна причина, заставившая сделать этот шаг...

Накануне цензор Феофил Толстой тайно предупредил Некрасова о скором закрытии «Современника». И Николай Алексеевич решил ценой унижения спасти свое детище. Однако успехом это не увенчалось, вскоре журнал был закрыт.

Случай в Английском клубе остался кровотокающей раной в душе. По мнению Корнея Чуковского, Некрасов до самой смерти испытывал угрызения совести, а критика действовала на него так сильно, что не раз вызывала ухудшение здоровья.

Те, кто знает биографию поэта, порой предъявляют ему и претензии этического свойства. Дескать, вошел в дом компаньона Панаева гостем, но вскоре стал там хозяином, завладел имуществом друга, забрал в свои руки журнал, вступил в любовную связь с женой домовладельца — Авдотьей Яковлевной, одной из первых красавиц Петербурга.

Чуковский его оправдывал: «Он (Панаев. — «Свой») все равно потерял бы и карету, и квартиру, и жену, и литературный авторитет, и журнал. Некрасов, если всмотреться внимательно, был его опекуном и охранителем; взяв его дела в свои руки, он отсрочивал его банкротство с году на год».

Авдотья Панаева, которая не без влияния нового возлюбленного взялась за перо и прославилась как писательница, стала со временем

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Граф М. Муравьев-Виленьский

героиней множества его стихотворений: «Поражена потерей невозвратной...», «Я не люблю иронии твоей», «Мы с тобой бестолковые люди», «Да, наша жизнь текла мятежно...», «Так это шутка? Милая моя...», «Давно — отвергнутый тобою...», «Прости». Но это далеко не весь список запечатленных для истории и литературы любовных признаний и жгучих терзаний.

После смерти Ивана Панаева Некрасов не женился на Авдотье Яковлевне. Более того, от нее отдался. Петербург заговорил о том, что поэт угодил в объятия француженки, mademoiselle Селины Лефрен, бывшей артистки Михайловского театра.

Как бы там ни было, сыпать сегодня упреками в адрес Николая Алексеевича — дело неблагодар-

ное. Как и любой смертный, он был, разумеется, небезгрешен. Однако личностью являлся, бесспорно, выдающейся, достойной того, чтобы жить в памяти многих поколений. Для интеллигентного, вдумчивого читателя все равно, каково место Некрасова в русской литературе — перед Пушкиным и Лермонтовым или вслед за ними. Главное, он большой талант и многие сочиненные им строки до сих пор вызывают сильные чувства.

Был ли притворой, заслуживал ли обвинения в двуличности? Сам поэт отвечал на этот вопрос в одном из писем: «Во мне было всегда два человека — один официальный, вечно бьющийся с жизнью и с темными силами, а другой такой, каким создала меня природа». По словам Чуковского, жизнь обратила Некрасова — о, чудо природы! — в помещика и плебей в одном лице. И оказался сей человек, как считал знаменитый критик, «двуликим, но не двуличным».

Перед смертью Некрасову чудилось, что изображения его приятелей — Виссариона Белинского и Николая Добролюбова — смотрят с портретов укоризненно. Но оправдываться уже не было сил, сознание необратимо угасало...

Гравюра «Похороны Н.А. Некрасова»

ФОТО: ГАЛИНА КИСЕЛЁВА/РИА НОВОСТИ

Философ о философе

Преодолеть интеллигенцию

Федор Гиренок

Георгий Федотов (1886–1951) — пожалуй, самая мощная фигура постренессансной отечественной философии. Если «возрождение» всюду блистало в течение первой пары десятилетий прошлого века — от смерти Владимира Соловьева до кончины Василия Розанова, то постренессанс еще и в 1950-е был живым и плодотворным. Федотову не везло на признание в академических кругах. В книгах по истории русской философии мы не встретим упоминаний о нем ни у Николая Лосского, ни у Бориса Яковенко, ни у Василия Зеньковского.

Большое наследие — малая слава

С кем из его современников-интеллектуалов следовало бы Федотова соотнести? Среди европейцев укажем, например, на когда-то чрезвычайно модных, да и по сей день весьма авторитетных Макса Вебера и Хосе Ортегу-и-Гассета. В России же Георгия Петровича приравнять, по характеру творчества, решительно не к кому. Беда в том, что его у нас практически не знают, хотя труды этого мыслителя по истории русской культуры — подлинная классика. За границей он в свое время обрел известность как сильный публицист. Начитанные священники и богословы по обе стороны «железного занавеса» признавали в нем специалиста по житиям святых. Между тем такие произведения, как «Трагедия интеллигенции», «Ессе homo»,

П. ФИЛОНОВ. «КОМПОЗИЦИЯ. КОРАБЛИ», 1913-1915

«Рождение свободы», «Письма о русской культуре», достойны того, чтобы студенты прилежно штудировали их в вузах, а работы «Конец империй», «Запад и СССР», «Будет ли существовать Россия» наталкивают на мысль о том, что писал их не обычный исследователь-гуманитарий, а настоящий пророк. Провидческий дар Федотова отразился и на других его текстах — «В защиту этики», «В борьбе за искусство»; духовная ситуация нашего времени объяснена в них так, словно они написаны совсем недавно.

За высоким барьером

В жизни, о которой мы знаем сравнительно мало, ему всегда было нелегко и особенно трудно — сходиться с представителями самого близкого, высокообразованного «сословия». Хотя в разные годы и при различных обстоятельствах знакомые и сослуживцы давали ему очень непохожие друг на друга оценки-характеристики: Лосский находил в нем «мелкость ума» и «злобу», Зинаида Гиппиус — коварство, Бердяев — талантливость и утонченность, а Федор Степун — высокую порядочность. Сторонникам правых взглядов не нравилось в нем «левое», а леваки вовсе не приветствовали его православность.

От собратьев по ремеслу, от их любопытных взглядов он имел обыкновение прятаться за воздвигнутым самолично забором, который, судя по всему, не смогла разрушить даже Марина Цветаева.

Федотов держался ровно, спокойно, подчеркнуто вежливо, что многими воспринималось как бессердечие, а его любовь к уединению отождествляли порой с нелюдимостью. Парадоксально, но, по всей видимости, факт: никогда он не испытывал такого внутреннего комфорта, как в первые послереволюционные годы, когда доводилось

Г. Федотов

Толстой не интеллигент, и Достоевский не интеллигент, и Вернадский не имеет к интеллигенции ни малейшего отношения. А кто имеет? Белинский, Писарев, Чернышевский, Бакунин, Лавров и Михайловский. Они идею ставят выше жизни человека. При этом их воззрения беспочвенны, чужды традициям, обрядам, преданиям

много и увлеченно общаться с членами религиозно-философского кружка «Воскресение» (в Питере), прежде всего — с Александром Мейером и Антоном Карташевым. Совместно они пытались «скрепить» советскую власть с право-

славием и в итоге получить нечто невиданное, этакий христианский социализм с русским лицом. Деятельностью кружка заинтересовались доморощенные левые интеллектуалы, но скоро поняли, что тот оказался даже левее, чем они себе представляли.

Впоследствии Федотов неплохо ладил в Бердяевым, сблизился со знаменитой матерью Марией (Скобцовой), Ильей Бунаковым-Фондаминским. С профессорской братией Богословского православного института в Париже, напротив, сдружиться не получилось.

«В настоящем состоянии мира оппозиция — единственно возможная и достойная позиция перед ним», — однажды заключил он и, следуя примеру Константина Леонтьева, эту «позицию» стремился перманентно отстаивать.

Роль «героя нашего времени» (читай — новых, постреволюционных эпох) ему подходила и подходит едва ли, хотя бы потому, что по Федотову герой сей — не яркий художник, не высоколобый мыслитель, но агрессивный воин, ловкий организатор, сильный спортсмен.

Стежки-дорожки

13 октября 1886 года в семье важного губернского чиновника Петра Федотова в Саратове появился на свет не прирожденный атлет, а будущий философ, «всему миру оппозиционер». Что же касается способностей к спортивным упражнениям, то ни подняться по веревке в гимнастическом зале, ни хотя бы единожды подтянуться на турнике юный Георгий не мог. Судьба не благоволит слабым — это он понял, еще находясь в интернате одной из воронежских гимназий. Там же началось и его увлечение социал-демократией. Идея «правдой социализма поправить мир» не оставляла Федотова и много позже. 1900-е оказались перенасы-

ценными в плане личных перемен. По окончании гимназии он поступил «по идейным соображениям» в Технологический институт: хотел стать инженером, чтобы оказаться как можно ближе к рабочим и донести до них истину социализма. Столь радикальные воззрения и стремления должны были рано или поздно привести к аресту. Таковой впервые случился в 1905-м: ночью в дом его деда-полицмейстера (!) зашли жандармы и, пока старик спал, увели внука «куда следует». К счастью для свободолюбивого молодого человека, тюремного срока удалось избежать. В 1906-м последовала ссылка — в Германию, где он взялся за изучение истории. Вернувшись в Россию, стал посещать лекции на историко-филологическом факультете Петербургского университета, а вместе с тем знаменитый тогда семинар Ивана Гревса. Следующая эмиграция, в 1910-м, пришлось на Италию, откуда Федотов через год возвратился на родину и жил какое-то время по поддельному паспорту. Приват-доцентом Петербургского университета он стал в 1916-м.

Пролетарскую революцию воспринял, мягко говоря, без особой приязни. После нее трудился в вузах Саратова и Питера, пока не собрался опять эмигрировать — на сей раз навсегда. Перед отъездом на чужбину услышал от друзей загадочные слова: «Торчи, где воткнут». Что бы это ни значило, близкий его приятель Мейер остался в России, позже, в годы «великих чисток», хлебнул немало лиха и немного не дождал до начала Второй мировой. Эта ситуация для Федотова в какой-то мере повторилась, когда война пришла в Европу. Страшась немецкой оккупации, он убыл в США, а мать Мария и Бердяев продолжали жить во Франции. Георгий Петрович как-то сказал, что не может молиться о мирном окончании живота, что-де умирать надо на баррикадах или хотя бы под забором, но не в уютной постели, не

в мирной обстановке. Баррикады, однако, находились от него, как правило, поодаль. Не нашлось в нужный момент и подходящего «забора».

Масштабный и точный портрет русской интеллигенции, который он написал за годы своего творчества, — это, по сути, автопортрет, тщательно осмысленный, отрефлексированный.

Идея против жизни

Интеллигенция — роковая тема, «ключ к пониманию России». Само ее появление стало возможным лишь в результате распада народной души. В эссе об этом (об интеллигенте) Федотов пишет: «Беззаветно преданный народу, искусству, идеям — положительно ищущий, за что бы пострадать, за что бы отдать свою жизнь. Непримируемый враг всякой неправды, всякого компромисса. Максималист в служении идее, он мало замечает землю, не связан с почвой — святой беспочвенник (как и святой бессребреник), в полном смысле слова. Из четырех стихий ему всего ближе огонь, всего дальше — земля, которой он хочет служить, мысля свое служение в терминах пламени, расплавленности, пожара».

А из этого следует, что Толстой не интеллигент, и Достоевский не интеллигент, и Вернадский не имеет к интеллигенции ни малейшего отношения. А кто имеет? Белинский, Писарев, Чернышевский, Бакунин, Лавров и Михайловский. Почему? Они идею ставят выше жизни человека. При этом их воззрения беспочвенны, чужды традициям, обрядам, мифам, преданиям. Трагедия русской интеллигенции состоит в том, что она избрала идеалы, созданные не нашим умом, не нашими усилиями, а вдохновением европейских мыслителей. То есть головы-то — наши, русские, а мысли в них живут, роятся по законам каких-то иных, совершенно чужих и чуждых для нас голов.

К середине XIX века линии отечественной культуры и взглядов русской интеллигенции расходятся. Последняя хотела служить народу, но ради него не стеснялась ставить на кон жизни многих людей. В результате стала считать своим делом не культуру, а революцию. Страшно далека была от народа. И когда повела его за собой, он за нею не пошел.

«Преодоление интеллигенции» произойдет тогда, когда западничество в России станет народным. Этапы этого «преодоления» по Федотову таковы. Русский народ поначалу оторвется от своей почвы, а интеллигенты обретут для себя таковую в современном мещанстве, в материальном накоплении, пафосе американизма. Собственность, рынок и капитал будут объявлены новыми точками самосознания. Народ и интеллигенция соединятся в едином беспочвенном порыве. Но потом какая-то ее часть возьмет на себя обременение, связанное с воспитанием национальных чувств. И это будет уже вторым, даст Бог окончательным, «преодолением интеллигенции».

Распад души

«Человек, — писал Федотов, — стал сам себе противен до ненависти, до потребности убить себя, или, по крайней мере, разбить свое отражение в зеркале». Во времена ап. Павла мы научились выделять в человеке дух, душу и тело. Дух и тело — это как бы верх и низ, максимум и минимум созданного Творцом существа. В каждом из нас есть что-то звериное и одновременно нечто святое. Но ни в теле, ни в духе нет подлинно человеческого. То, что «в нас будет от нас», ап. Павел назвал душой. Она если и не наставит на путь святости, то во всяком случае не позволит свалиться в пропасть нашего изначального звероподобия.

Распад души — вот главный процесс XX века, говорит Федотов.

Г. Федотов среди участников конгресса «Православного дела» во Франции. 1937

Энергия этого распада определяет судьбу человека. Отныне в нем утеряно равновесие между пакостным и святым. С цепи сорвались звери, возмутились ангелы. Однако первые остались с нами, а вторые улетели на небеса — некому и нечему было их удержать. И каждый из нас оказался один на один со своим телом. Теперь герой — не праведник, а спортсмен. Властитель дум — не мыслитель, а тот, кто его изображает. Мы боремся не за свободу, а за партии. Современный человек ведет себя так, как если бы из него вынули стержень: он обмяк, мораль умерла, ибо природа — вне морали, «все позволено», распахнуты ворота в новое искусство, в «передовую» эстетику. Массы возжелали не культуры, но цивилизации.

Потеряна связь с одним из четырех мировых элементов — с землей. А земля — это крестьянин. Гибель крестьянства — как раз то, что фиксируется Федотовым как распад души, что еще не одну сотню лет будет возвращаться к нам в виде непредсказуемых следствий наших деяний.

О свободе

Было время, когда люди умирали за свободу, не спрашивая ее философских определений. В основании таковой, на взгляд Федотова, лежат стремление человека к вольному хозяйствованию и потребность ученого в широких исследованиях. Свобода возникает как привилегия немногих. Когда же вторая касается всех — первая умирает. Пока цари учились сосуществовать с боярами, церковь — с наукой, помещики — с крестьянами, бароны — с купцами, сохранялась возможность существования и для свободы.

В массовом обществе для нее места нет. Там все «равны»: исследователь борется не столько за торжество научной истины, сколько за заказ или грант, предприниматель в свою очередь — за долю «общественного пирога», бюджета. Все мы приучаемся жить среди вещей, к производству коих не имеем никакого отношения. Свобода уступает место произволу и демагогии.

О России

«У всякого народа есть родина, но только у нас — Россия» — она, Россия, для Федотова — не пространство, не множество людей, населяющих определенную территорию и говорящих по-русски, но то, что имеет свое неповторимое лицо. И к ней нужно относиться как к личности (а не как к какому-нибудь безликому «СНГ»). Для внешнего наблюдателя она всегда будет непредсказуемой, ибо предсказываются только простые явления, а Россия по-сложному феноменальна.

Существует много причин для того, чтобы ее не любить: для одних она — слишком Восток, для других — чересчур Запад, к тому же еще и империя, то есть Отечество, преступившее пределы своей родины.

Россия — и не Восток, и не Запад. У нее нет четких границ. Она, писал Георгий Федотов, не умрет, пока жив русский народ. Покуда он живет на своей земле и говорит своим языком.

«Вперед, заре навстречу!»

Дарья Ефремова

24 декабря исполняется 115 лет со дня рождения Александра Фадеева, прозаика, лауреата Сталинской премии, генерального секретаря Союза писателей, человека, который неожиданно для всех в разгар хрущевской «оттепели» свел счеты с жизнью — на даче в Переделкино. Тема бурной, героической молодости и почти неизбежной, по-своему закономерной трагедии — квинтэссенция его литературного опыта, который в XXI веке уже не считается, как прежде, эталонным.

В УСЛОВНОМ перечне полузабытых и «необязательных» к прочтению авторов в постсоветскую эпоху появилось слишком много художников крупного масштаба и большой контекстуальной выразительности. Фадеева в этом ряду легко не заметить. И в то же время не заметить его все равно, что не разглядеть взошедший над городом заморский меч — есть такой пронзительный образ в стихотворении Хлебникова «Переворот во Владивостоке».

Бывал ли в Приморье Велимир-будетлянин, неизвестно. Гомон доков, визг пароходных сирен, экзотику лиц, одежда и говор, обилие притонов, опекурилен, литературных кабачков, мундиры чуть ли не всех королевств, империй и республик, мчащиеся автомобили — хаос старого «Владика» описал другой «неактуальный» литератор, поэт Николай Асеев.

В этом наводненном интервентами плавильном котле Фадеев провел боевую юность. Был партийным агитатором, состоял в отряде красных партизан, занимал важные посты — комиссара 13-го Амурского полка и 8-й Амурской же стрелковой бригады, не из-

бежал ранений. Позже, будучи делегатом съезда РКП(б), принимал участие в подавлении Кронштадтского восстания. В деятельности, которую потом в учебниках назовут «классовой борьбой», втянулся рано: красная власть казалась единственной силой, способной противостоять беспорядкам, растянувшимся на Дальнем Востоке на десятилетие. Американцы, японцы, чехи... Хватало и отечественных банд — калмыковцы, бочкаревы. Те вообще не церемонились: стрельба на улицах, горы трупов, ледящие душу истории о мучениках, сожженных в топках паровозов...

Еще подростком Саша Фадеев распространял большевистские листовки. Однажды даже ухитрился водрузить послание прямо на двери штаба белочехов. Ночами перевозил на подводе оружие и провиант для партизан, а чтобы не было так страшно, они вместе с напарницей-девчонкой громко пели. Та еще удивлялась: «интеллигент, а не трусливый, не хуже наших рабочих ребят».

Так вышло, что главный его роман получился отчасти автобиографическим. Возможно, именно себя в ранней юности и своих друзей-«орлят» вспоминал писатель, рисуя ставшие священными для многих поколений образы: Олега Кошевого, Сережи Тюленина, Ивана Земнухова, Любы Шевцовой, Ульяны Громовой, Валерии Борц. Той самой Вали, которая в одной из финальных глав бродит по линии фронта, промерзшая и голодная как волчица, укладывавшаяся спать прямо в поле.

Валерия Давыдовна и Георгий Минаевич Арутюнянц, эти немногие из уцелевших молодогвардейцев, стали живыми легендами, являясь очевидцами и участниками невероятных событий. Они и рассказывали об организации, действовавшей в годы войны в оккупированном Краснодаре, встречались со школьниками, сту-

ФОТО: ИТАР-ТАСС/АРХИВ

А. Фадеев. 1922

дентами, рабочими. Общались, разумеется, и с Фадеевым, вспоминали друзей, уточняли необходимые детали, спорили, вносили коррективы.

«Очень хочу, чтобы вы правильно поняли меня, — объяснял писатель полковнику Арутюнянцу. — Я... не ставил перед собой задачи описать историю «Молодой гвардии» день за днем... это сделают потом историки, не оглядываясь на роман. Я... глубоко полюбил этих простых, замечательных ребят. Меня восхищала в них непосредственность, искренность, неподкупная честность и верность своему комсомольскому долгу. Поэтому-то кое-кого я написал такими, каким хотел бы видеть в жизни. Этим самым я делал как бы шаг в сторону, пусть небольшой, заметный только вам. И все-таки шел на это сознательно...»

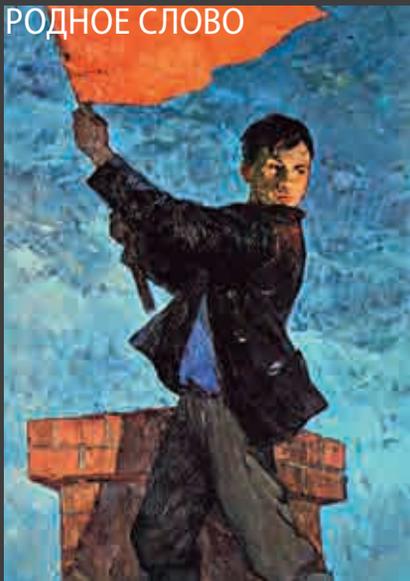
Стали известны на весь мир чудовищные пытки в застенках гестапо (к моменту казни мало кто из молодых подпольщиков мог передвигаться самостоятельно), стойкость юных жителей Донбасса, их смелость — настолько отчаянная, что производила впечатление даже на врагов, выдавших виды костоломов. Все ребята сразу же признались в принадлежности к организации, в тюрьме читали стихи,

пели, бросали слова презрения и проклятия в лицо палачам.

Патриотизм, преданность идеалам, мужество — все это, безусловно, не миф. Но было в истории вчерашних выпускников десятилетки, чьи искаленные тела обнаружили в шурфе шахты после освобождения Краснодона, и нечто такое, мимо чего Фадеев просто не мог пройти: жизнелюбивое обаяние молодости, наивность, самонадеянность, взрывная энергия — то, что Пушкин назвал «резвой радостью».

«Произнося это, мы представляем пьянящее кипение юности, беззаботные улыбки, ловкие движения, оживленный гул молодежных вечеринок, первую влюбленность, быть может, даже первое разочарование, — отмечала автор послесловия Вера Инбер. — Заслуга Фадеева... состоит в том, что, показав нам героических участников подпольной организации... он не лишил всех этих юношей и девушек свойственных им примет».

Например, шестнадцатилетний Олег Кошевой, с его несгибаемой волей, природными организаторскими способностями, очень влюбчив. Бесстрашная Любка Шевцова, которая встретила своих убийц безудержной четкой, а в минуту казни «не стала на колени и приняла пулю в лицо», хорошо одевалась и вообще строго следила за внешностью. Даже в самые тяжелые дни ее волосы были «аккуратно завиты и тщательно уложены». Ульяна Громова, читавшая наизусть Лермонтова в камере, мечтала улететь с Демоном, потому что он «восстал против самого бога». Живой и очень узнаваемой становится сценка с купанием девушек на речке — незадолго до чудовищных событий, когда они, перебивая и толком не слушая друг друга, говорят так громко, будто призывают в свидетели весь белый свет. «Он с парашютом сиганул, ей-богу! Такой славенький, кучерявенький, беленький, глазки,

Кадр из фильма
«Молодая гвардия».
1948

как пуговички!» — «А я б не могла сестрой, право слово, — я кровью ужас как боюсь!» — «Ой, какая лилия!» — «Улька, чудик, куда ты полезла?» — «Еще утонете, скаженные!...»

А вот и Жора Арутюнянц, слегка захмелев, мрачно глядит перед собой черными глазами: «Конечно, это не современно, но я понимаю Печорина... Конечно, это, может быть, не отвечает духу нашего общества... Но в иных случаях они заслуживают именно такого отношения... Женщины...»

Судьба романа, на коллизиях, образах и уроках которого росла послевоенная молодежь, складывалась непросто.

Сначала Сталину прислали из органов записку о том, что книга, мол, недопустимо «художественная», а родственники погибших жалуются на неточности. Потребовалась вторая редакция (с отображением руководящей роли партии), по этому поводу Фадеев говорил, что переделывает «Молодую гвардию» в «старую».

А после развала СССР появились и вовсе «актуальные», невозможно дикие версии: подпольная организация в Краснодаре была не комсомольской, а националистической, бандеровской, и возглавлял ее функционер ОУН Евгений Стахив; он-то и поселился среди краснодонцев, разыскал норовистых

смельчаков, а затем создал из них повстанческий центр с лозунгом «Украина без Сталина и Гитлера». Что ж, как говорится, какое время — такие и легенды.

Звучало в связи с судьбой молодогвардейцев и совершенно иное мнение, сформулированное, как это ни парадоксально, иностранцами (вот уж поистине нет пророка в своем Отечестве): «Если история одной цивилизации и один из ее величайших моментов должны быть выражены одним только литературным произведением, то в СССР таким произведением вполне может служить «Молодая гвардия» Александра Фадеева», — некогда писала газета «Леттр франсэз».

Для первых послевоенных поколений и «детей войны» роман был чем-то вроде Нового Завета. На молодогвардейцев хотели походить. Девочки мечтали встретить мальчика вроде Олега Кошевого. Ленту Сергея Герасимова пересматривали десятки раз. Что привлекало? Не только верность комсомольским идеалам, «сила коллектива», «большие задачи и высокие требования». Скорее — сверхчеловеческое дерзновение молодости. Ее жизнерадостность, здоровье, красота, мечты о будущем, неумение «за общей опасностью и страданием видеть опасность и страдание для себя, пока они не нагрянут и не нарушат ее счастливой походки».

Памятник А. Фадееву в Москве

ФОТО: ВИКТОР ЧЕРНОВ/РИА НОВОСТИ

От Гурзуфа до Парижа

155 лет назад родился художник Константин Коровин. Он подарил нам особый, русский «извод» импрессионизма, вошел в историю как певец ласкового солнца и гостеприимного юга, автор романтических видов ночного Парижа. Революция разделила его жизнь на «до» и «после». Покинув страну в 1923-м, живописец не забывал о России, постоянно возвращался сюда, пусть и виртуально: в картинах и особенно мемуарах, ставших еще одним проявлением его безграничного природного дара.

Ксения Воротынцева

РОССИЙСКАЯ империя на излете оказалась необыкновенно щедрой на таланты. Не успели собрать все причитавшиеся им аплодисменты передвижники, а на смену им уже пришли галантные «мирискусники». Тех вскоре потеснили куда более грубые и неистовые представители русского авангарда...

Фигура Константина Коровина стоит особняком. Его размашистая, свободная манера вызывала негодование у пуристов от живописи, считавших мастера законченным декадентом. К таковым же, впрочем, причисляли и Валентина Серова. Картины последнего, как никакие иные, уместно поставить в один ряд с коровинскими. Дело тут не только и не столько в их многолетней дружбе, сколько в том, что оба были несравненными колористами, заткнувшими за пояс своих западных современников. Однако если Серов признан гением портрета, то Коровину луч-

«ПРИСТАНЬ В ГУРЗУФЕ», 1914

ше удавались натюрморты и жанровые сцены.

Он происходил из богатой купеческой семьи. В мемуарах, созданных в эмиграции, вспоминал: «Когда родился мой прадед, по Владимирке везли в клетке с большим конвоем Емельку Пугачева, и прадеда наименовали Емельяном. Сын ямщика, Емельян Васильевич был впоследствии управляющим в имении графа Бестужева-Рюмина, казненного Николаем I декабриста. Графиня Рюмина, лишённая прав дворянства, родила после казни мужа сына и умерла

родами, а сын Михаил был усновлен управляющим графа Рюмина, Емельяном Васильевичем. Но у него был и другой сын, тоже Михаил, который и был мой дед. Говорили, что огромное богатство моего деда пришло ему от графа Рюмина. Дед мой, Михаил Емельянович, был огромного роста, очень красивый, и ростом он был без малого сажень».

Его детство — это история стремительного разорения отца, переезд в деревню, бедная, но по-своему счастливая жизнь: прогулки по лесу, рыбалка, охота. В 14 лет Костя вернулся в город и поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Первым заметил талант старший брат Сергей, тоже художник. В 1884 году состоялось судьбоносное знакомство с Саввой Мамонтовым. Именно ему в воспоминаниях Коровина посвящены самые теплые слова. Живописец рассказывает, как тот в первый раз услышал пение Федора Шаляпина (впоследствии близкого друга Константина Алексеевича) и загорелся желанием пригласить певца в Частную оперу: «И Савва Иванович размечтался. Так размечтался, что на поезд опоздал... Я удивлялся С.И. Мамонтову: как он любит оперу, искусство, как сразу понимает набросок, эскиз, хоть и не совсем чувствует, что я ищу,

«НАТЮРМОРТ С САВРОМ», 1930-е

какое значение имеет в постановке сочетание красок.

А все его осуждали: «Большой человек — не делом занимается, театром». Всем как-то это было неприятно: и родственникам, и директорам железной дороги, и инженерам заводов».

В Частной опере Коровин впервые попробовал свои силы как декоратор. Вместе с Серовым и Врубелем участвовал в создании новой, изысканной сценографии. После разорения Мамонтова получил приглашение от Владимира Теляковского, директора Императорских театров. Последний

удивлению, это произвело впечатление».

События 1917-го потрясли уже немолодого Коровина. Заметки о том периоде короткие, лаконичные, почти телеграфные, явно отличающиеся от его обычных, довольно пространных рассказов: «Во время так называемой революции собаки бегали по улицам одиноко. Они не подходили к людям, как бы совершенно отчуждавшись от них. Они имели вид потерянных и грустных существ. Они даже не оглядывались на свист: не верили больше людям. А также улетели из Москвы все голуби».

Париже попытавшийся наложить на себя руки. Художник всеми силами и средствами старался отвлечь любимого Алешу от невыносимых тягостей бытия, примерно тогда же открыл в себе талант литератора.

В заметках о детстве есть пронзительный эпизод: маленький Костя с двоюродной сестрой отправляются на поиск мыса Доброй Надежды, который, как им кажется, расположен где-то рядом, за рекой. Детей находят и возвращают обеспокоенным родным лишь поздним вечером. В другой раз будущий живописец, выпросив у

«У СТАНОВИЩА КОРАБЛЬ», 1899-1900

тоже мечтал о реформах: публика теряла интерес к балету, представления становились все более безвкусными. Константин Алексеевич принял предложение и погрузился в пучину театральных интриг: «Артисты не желали надевать мои костюмы, рвали их... В мастерской, где я писал декорации, я увидел, что холст, на котором я писал клеевой краской, не сох и темные пятна не пропадали. Я не понимал, в чем дело. И получил анонимное письмо, в котором безграмотно мне кто-то писал, что маляры-рабочие кладут в краску соль, которая не дает краске сохнуть... Я купил себе револьвер и большую кобуру и писал декорации с револьвером на поясе. К

После отъезда художник обосновался в Париже, но жизнь за границей не удалась. Роскошные бело-синие виды Гурзуфа, бравурные пейзажи, картины неспешного чаепития на веранде не выходили так же естественно, как прежде, — перед глазами стояли новые реалии. Ночной, сверкающий огнями Париж стал своеобразной лебединой песней мастера. Однако и эти работы не были оценены по достоинству. Коровин бедствовал. Беззаботно порхавший по жизни, любимец женщин и богов, бонвиван, он сполна расплатился за сладость прежних лет. Тяжело болела семья, особенно сын, ставший инвалидом еще в России (трамваем ему покалечило ступню) и уже в

отца ружье, уходит с деревенскими мальчишками на охоту и приносит домой подстреленную утку. Коровин-старший рад за сына, а матушка, напротив, опечалена:

«Ты разве не видишь, — говорит мать отцу, — что он ищет мыс Доброй Надежды? Эх, — сказала она, — где мыс этот? Ты разве не видишь, что он всегда будет искать этот мыс. Это же нельзя. Он не понимает жизнь как есть, он все хочет идти туда, туда».

И не сильно ошиблась. Ведь именно мечта, жажда чуда отличает картины Коровина с их яркими «горящими» красками. Таких не встретишь в реальности, и передать их не способна никакая полиграфия.

Полководцы

А. САМСОНОВ. «ПАРАД ПОБЕДЫ»

Победный маршальский тандем

Валерий Шамбаров

Парадом Победы на Красной площади 24 июня 1945 года командовал Константин Рокоссовский, а принимал его Георгий Жуков. Этот факт — знак всенародного признания двух величайших полководцев Великой Отечественной. Сегодня многие исследователи и просто любители военной истории спорят, кто из этих маршалов являлся от природы более талантливым и чьи заслуги весомее. Вряд ли тут найдется какой-то однозначно верный ответ. Можно лишь констатировать: они были совершенно разными людьми — по вкусам и темпераменту, социальному происхождению и отношению к быту, множеству других свойств и характеристик. И в то же время их судьбы оказались в чем-то схожими, мало того — переплетенными. Даже родились, согласно официальным данным, в один год, в одном месяце. В декабре 1896-го, 120 лет тому назад.

РОКОССОВСКИЕ, представители варшавской интеллигенции, вели свой род от польской шляхты. Константин рано лишился отца, а затем и матери. Образование недополучил, зарабатывал на жизнь мальчишкой на побегушках, каменотесом в мастерской дяди.

Георгий Жуков из калужских крестьян. После церковно-приходской школы его отправили учеником к родственнику матери, хозяину скорняжного промысла в Москве. В свободное время учился на вечерних общеобразовательных курсах.

ФОТО: МАКС АЛПЕРТ/РИА НОВОСТИ

Командующий 1-м Белорусским фронтом К. Рокоссовский и представитель Ставки Верховного главнокомандования Г. Жуков в Польше. 1944

Драгун К. Рокоссовский. 1916

В 1914-м в Польше всю раз-
вернулись бои Первой мировой.
Рокоссовский с другом пришли к
командиру 5-го Каргопольского
драгунского полка, попросились
добровольцами. В армию брали с
19 лет, и Константин приписал себе
два года. Почти сразу же отличился:
пошел на разведку в село, занятое

немцами, после чего полк сумел тех
разгромить. Юного героя награди-
ли Георгиевским крестом. Случа-
лись потом и жестокие схватки в
пешем строю, и захватские кон-
ные атаки. Рокоссовский в коман-
де разведчиков совершал дерзкие вы-
лазки в расположение противника.
Стал младшим унтер-офицером,
заслужил три медали.

Жуков себе возраст не приписы-
вал, был призван в 1915-м. Его по-
слали в унтер-офицерскую школу,
а на фронт он попал в 1916-м. Тоже
в драгунский полк — 10-й Новго-
родский. Георгий также в высшей
степени достойно показал себя в
разведке. Грудь его украсили два
Георгиевских креста...

Революции развалили русскую
армию. Полки расходились по до-
мам, но Рокоссовскому ехать было
некуда — родную Польшу захвати-
ли немцы. Он уже увлекся учением
большевиков и вступил в красно-
гвардейский отряд. Весной 1918
года, когда начала формироваться
Красная армия, это подразделение
в нее влилось.

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Вице-унтер-офицер Г. Жуков

Жуков с выбором дальнейшей
судьбы не спешил. Отправился к
родителям в деревню Стрелков-
ку. Присматривался к меняющей-
ся жизни. Переболел тифом. В
Красную армию пошел в августе
1918-го. В Гражданскую будущие
маршалы проявили себя прекра-
сными бойцами и командирами.

ПОЛКОВОДЦЫ

Оба удостоились высшей советской награды — ордена Красного Знамени, довольно быстро росли в должностях. Жуков командовал эскадроном, Рокоссовский водил в сражения полк.

После «гражданки» остались в армии. И тому, и другому пришлось доучиваться, подкреплять способности и опыт военным образованием. Впервые они очно встретились в 1924 году — вместе были слушателями на кавалерийских командных курсах. В 1929-м, во время конфликта на КВЖД, 5-я Кубанская кавалерийская бригада Рокоссовского стремительным ударом разметала многократно превосходившие силы китайцев, и под его начало передали 7-ю Самарскую дивизию. А Жуков попал к нему в подчинение, командовал одной из бригад. В дальнейшем их ждали новые назначения.

Летом 1937-го безумная вакханалия «ежовщины» привела к тому, что комкора Рокоссовского арестовали, объявили польским и японским шпионом. Под Жукова, заместителя командующего Белорусским округом, клеветники повели подкоп в 1938-м. Георгий Константинович вовремя осознал опасность, отбил телеграмму Сталину и Ворошилову, и травля прекратилась.

В 1939-м вспыхнули бои на Халхин-Голе, и Жукова назначили командовать 57-м особым корпусом в Монголии, вскоре развернутым в армейскую группу. Здесь его талант проявился в полной мере. Он не только остановил японское наступление, но и нанес неожиданные контрудары, окружив и уничтожив неприятельскую группировку. Японцы получили такой урок, что даже в годы Великой Отечественной не осмелились выступить против русских.

В 1940-м Жуков упрочил свой авторитет полководца. Под его началом войска Киевского и Одесского округов совершили поход в Бессарабию и Северную Буковину.

Румыния воевать побоялась, и эти области присоединились к СССР.

Ну а Рокоссовский стойко выдержал пытки, издевательства, вину не признал, чем и спас себе жизнь. Ежова сменил Берия, начался пересмотр дел. Выяснилось, что все лица, давшие показания против Константина Константиновича, уже погибли. По этой причине его дело дважды отправлялось на дознание. В 1940 году по ходатайству наркома обороны Семена Тимошенко Рокоссовского осво-

группу офицеров, две машины и бросили создавать оборону «из ничего», из остатков отступавших частей. Он справился. Закрыв рухнувший фронт, пробил коридор к соединениям, запертым в Смоленском котле. А из спасшихся окруженцев и прибывавших подкреплений формировал полноценную армию.

Жуков, предложивший оставить Киев и поспоривший об этом со Сталиным, был отстранен от должности начальника Генштаба.

Генерал армии Г. Жуков на полевых учениях. Ноябрь 1940 года

ФОТО: ПЕТР БЕРНШТЕЙН/РИА НОВОСТИ

бодили. Вернули на должность командира корпуса и послали в Киевский округ — в подчинение Жукова. Второй, таким образом, значительно «обошел» первого.

В 1941-м Жуков стал начальником Генерального штаба. Рокоссовский же встретил войну командиром 9-го механизированного корпуса. В тяжелейшем сражении под Дубно потерял почти всю технику, но не позволил танковой группе фон Клейста окружить наши войска на Украине. Его корпус дрался стойко, умело, отходил только по приказу, и эти качества отметили в Ставке. Константин Константиновича забрали из Смоленское направление, где царил полный хаос. Поставили командовать армией, хотя та существовала лишь номинально. Дали

Ему вручили Резервный фронт, и тот впервые в ходе войны провел успешное наступление под Ельней. Сталин, невзирая на размолвку, его способности продолжал ценить, перебрасывал военачальника на самые критические участки: в сентябре сорок первого — в Ленинград, оказавшийся на грани падения, в октябре — под Москву, где разразилась очередная катастрофа. Здесь судьба снова свела двух полководцев. Георгий Константинович возглавил Западный фронт. Рокоссовский у него командовал 16-й армией. Выбирался из Вяземского котла, прикрывал Волоколамское направление, приказывал стоять насмерть под Истрой и Крюково. Именно в его армии прославились своими подвигами дивизия Пан-

филова, корпус Доватора, кремлевские курсанты.

В битве за Москву имена Жукова и Рокоссовского пополнили плеяду лучших русских стратегов. Хотя масштабы той победы советская Ставка несколько преувеличила, недооценив при этом возможности противника. Попытка организовать дальнейшее наступление под Ржевом и Вязьмой обернулась огромными потерями. В числе тяжело раненных был и Константин Константинович. А потом он получил повышение и вновь попал на самый тяжелый участок — командовал Донским фронтом, истекавшим кровью под Сталинградом.

Жуков приехал к нему в более высоком ранге, в качестве заместителя Верховного главнокомандующего. Обороняясь, Рокоссовский уже задумывался о возможности контрударов с последующим окружением группировки Паулюса. Жуков с начальником Генштаба Александром Василевским пришли к аналогичной идее. Был разработан план совместной операции нескольких фронтов. И в разгром врага внесли вклад они все.

Когда советские атаки взломали немецкие фланги и клещи замкнулись, армиям Рокоссовского поручили добивать неприятеля, угодившего в кольцо. Жукова в это время под Сталинградом не было. Ему приказали возглавить другое наступление — в районе Ржевско-Вяземского выступа. Тут вновь постигла неудача. Но даже Георгий Константинович не знал, что его действия использовались в целях стратегической дезинформации. Советская разведка подбросила немцам сведения: здесь будет нанесен главный удар, а под Сталинградом — отвлекающий. Имя Жукова убедило Гитлера и его генералов в подлинности таких данных. Под Ржев и Вязьму они кинули все резервы, включая свежие танковые дивизии. А ведь их так не хватало фрицам на юге, чтобы протаранить путь к окруженному Паулюсу...

Жукова после сражений под Ржевом опять направили под Ленинград — руководить операцией «Искра», приведшей наконец-то к прорыву блокады города трех революций.

На Курской дуге Рокоссовский командовал Центральным фронтом. На его участке противник не смог глубоко вклиниться в оборону, усеяв поля чадившими танками и телами солдат. Жуков замыкал на себя действия четырех фронтов.

Когда Хрущева сместили, опальных военачальников снова стали «замечать».

Рокоссовский ушел из жизни в 1968 году, Жуков — в 1974-м.

Праха обоих находится в Кремлевской стене

Выждав момент, когда враг выдохся, начал наступление Западного фронта. Гитлеровцы покатались назад, оставляя города, бросая заготовленные позиции. Советские армии устремились на запад.

Георгий Константинович в качестве представителя Ставки бывал

всюду. Заменял смертельно раненого командующего 1-м Украинским фронтом Николая Ватутина, руководил Проскурово-Черновицкой операцией, расчленил на части и разгромил группу армий «Юг». Летом 1944-го стал соавтором плана операции «Багратион», а в самом сражении координировал действия двух фронтов.

Один из них, 1-й Белорусский под командованием Рокоссовского, добился самых впечатляющих успехов: смял германскую оборону, в окружениях под Бобруйском и Минском взял более 100 тыс. пленных. Сталин очень заужал Константина Константиновича, начал называть по имени-отчеству. Войска полководца вышли на кратчайшее расстояние к Берлину, и все же честь завершения войны Иосиф Виссарионович предоставил Жукову — считал, что его заслуги выше, в ноябре 1944-го назначил того командовать 1-м Белорусским фронтом, а Рокоссовского перевел на 2-й Белорусский.

Конечно, было обидно, но Константин Константинович умел подавлять личные эмоции. Он и на новом посту проявил себя блестяще. Громил группу армий «Висла», нависавшую над флангом главного направления. Его армии вырвались

Командующий 2-м Белорусским фронтом К. Рокоссовский перед полетом на аэростате. 1 апреля 1945 года

ФОТО: ПЕТР БЕРНШТЕЙН/РИА НОВОСТИ

ПОЛКОВОДЦЫ

к Балтике, отрезав от Германии Померанию и Восточную Пруссию. В апреле 1945-го Жуков начал штурм Берлина, а Рокоссовский, прикрывая его справа, осуществил беспрецедентное форсирование в устье Одера (во время весеннего паводка река разлилась на 6 км). Западные военачальники сравнивали эту операцию с броском через Ла-Манш. Только у Рокоссовского в отличие от них не было ни флота, ни сопоставимого количества десантных средств. Однако Одер преодолели и устремились в глубь доживавшего последние дни Рейха.

А над Берлином в это время взвилось Знамя Победы.

По окончании войны Жуков возглавил Группу советских войск в Германии. Подле Сталина началась борьба за власть. В 1946 году Георгию Константиновичу собирались «шить» дело об «антисталинских» высказываниях, «бонапартизме». Этим обвинениям генсек хода не дал и уничтожить Жукова не позволил. Но в должности его понизили. Маршал командовал Одесским округом, потом — Уральским. После смерти Сталина ему позволили вернуться в Москву, стать на

какое-то время министром обороны. Последней боевой операцией Жукова было скорое и решительное подавление мятежа в Венгрии. Хрущев боялся столь популярного военачальника. В 1957-м, когда Георгий Константинович поехал с визитом в Югославию, его заочно, исподтишка причислили к «антипартийцам», сняли со всех постов и отправили в отставку.

Рокоссовский же после войны командовал Северной группой войск в Польше. В 1949-м польский президент Болеслав Берут попросил Сталина, чтобы Константин Константинович стал министром обороны в его правительстве. Он создавал вооруженные силы республики, на него дважды совершали покушение националисты. В 1956 году в Польше, как и в СССР, развернулась антисталинская кампания. Новый лидер страны Владислав Гомулка объявил Рокоссовского «символом сталинизма» и уволил. Маршал уехал в Советский Союз, стал заместителем министра обороны. В 1957-м на пленуме ЦК пытался заступаться за Жукова, а в 1962-м Хрущев предложил Рокоссовскому написать о Сталине «почернее и погуще». Тот отказался и был снят с должности, переведен в группу инспекторов Министерства обороны.

Когда Хрущева сместили, опальных военачальников снова стали «замечать», приглашать на торжественные заседания. Рокоссовский ушел из жизни в 1968 году, Жуков — в 1974-м. Прах обоих находится в Кремлевской стене, хотя Жуков завещал похоронить себя в земле. Как бы там ни было, служили вместе и упокоились рядом.

Суетное, наносное, витавшее вокруг их громких, славных имен, ушло. Остались спасенная Россия и чтимый народом подвиг этого спасения, которые не делятся — общие для всех. И для военачальников, и для рядовых бойцов, и для тех, кто трудился, не щадя сил, в тылу. Для нас, поколений потомков, впрочем, тоже.

ФОТО: ШЕРБАКОВ/РИА НОВОСТИ

Г. Жуков подписывает Акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Карлсхорст, 8 мая 1945 года

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Г. Жуков, британский фельдмаршал Б. Монтгомери, К. Рокоссовский в Берлине. Июль 1945 года

К. Симонов и Г. Жуков

В 1966-м, в год 25-летия битвы за Москву, знаменитый писатель и журналист Константин Симонов провел с маршалом Жуковым большую беседу «на камеру». Уже в наше время эту запись телеведущий Владимир Познер представил как интервью, попавшее в СССР под строжайший запрет, и показал его сравнительно недавно в одной из своих передач на Первом канале. Трудно понять: что крамольного, расходящегося с линией «партии и правительства» увидели в словах Георгия Константиновича политорганы той поры. Маршал как будто не сказал ничего такого, что не было широко известно из других официальных или полуофициальных источников.

Предлагаем вашему вниманию фрагмент монолога, посвященный самым тревожным для страны и народа дням Великой Отечественной. Он весьма показателен еще и в плане понимания взаимоотношений Жукова с Рокоссовским — настоящих, объективно сложившихся, а не ситуативных, не тех, что были чреватые некоторыми межличностными «инцидентами», эмоционально и профессионально обусловленными трениями.

Георгий Жуков: *Напряжение было особенно сильное, когда немцы начали наступать 15 и 16 ноября, когда они на флангах нашей обороны создали очень большое превосходство в силах, главным образом в танковом отношении... И в этот период шла самая, пожалуй, напряженная битва, потому что на участке 16-й армии немцы в общей сложности ввели в дело более 650 танков. Причем в первом эшелоне. Они бросили сразу против армии Рокоссовского вот такую махину. И надо сказать, положение было довольно пикантное в ряде моментов. Наши войска, конечно, нигде не дали себя окружить, у нас была построена довольно глубокая оборона, в том числе*

в противотанковом отношении. Танковые бригады у нас, как правило, во взаимодействии с артиллерией были расположены системой засад. Так что немцы своими танковыми частями, вклинившись в оборону, попадали под их расстрел. Но все же нашим войскам было тяжело, особенно армии Рокоссовского, куда обрушился самый мощный удар. Константин Константинович мог бы вам рассказать детали — он непосредственно руководил боем и переживал, пожалуй, больше, чем командующий фронтом. Были моменты тяжелые на его участке. Фронт выгибался иногда дугой, и казалось, вот-вот случится непоправимое, фронт будет прорван. Но нет, фронт выдержал. И, будучи подкрепленным, вновь противнику давал надлежащий отпор. Для того чтобы укрепить это самое опасное направление, мы перебрасывали все, что только можно, с других, соседних участков. Брели с центра фронта, где противник был менее активен и вел, по существу, сковывающие действия. Это позволило нам взять оттуда все возможное. Вначале мы взяли армейские резервы, перебросили к Рокоссовскому, потом — дивизионные резервы, перебросили к Рокоссовскому. Это, так сказать, уплотняло оборону, усиливало. Потому что армия истекла кровью, надо было подкреплять ее чем-то. А затем дело дошло до того, что мы уже в батальонах брали отдельные взводы, отдельные группы танков, отдельные противотанковые ружья. И все это на машинах быстро доставлялось... 16-й армии и включалось в борьбу на самых ответственных участках. В конце концов нам все же удалось укрепить армию Рокоссовского. Войска дрались мужественно и не дали себя опрокинуть. А затем подошла 1-я армия, которой командовал Василий Иванович Кузнецов... они были грозой для немцев... очень лихо атаковали противника, очень быстро сломали его сопротивление, перешли в контрнаступление...

В дни 75-летия великого триумфа Красной армии, явленного под Москвой, и 120-летних юбилеев главных творцов этого исторического свершения приведенные слова Жукова особенно важны. Хотя бы потому, что подводят некоторую черту под спорами (чаще досужими) о том, кто из маршалов Победы более для матери-истории ценен.

Бесценны по-своему оба.

Война и мир

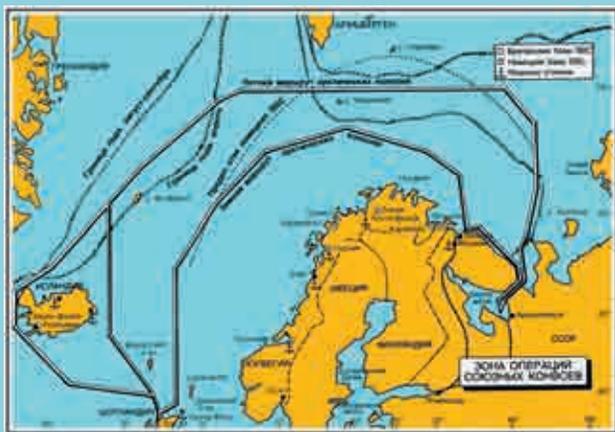
Крылья ленд-лиза

Английские бомбардировщики «Ланкастеры» базировались в Архангельске

Людмила Жукова

Пересмотр итогов Второй мировой войны, в которой ценой невиданных жертв и невероятных усилий победил СССР при поддержке стран антигитлеровской коалиции, — на Западе теперь рутинное дело. У нас же подобное отнюдь не стало и, надо полагать, никогда не станет нормой. Священным девизом «Никто не забыт, и ничто не забыто» наше общество руководствуется по сей день. Мы по-прежнему помним тех, кто помогал советским Вооруженным силам в смертельной схватке с врагом, воздаем им заслуженные почести, отмечаем их заслуги и подвиги.

В ПЕРВЫЕ дни Московского, ошеломляюще неожиданного для гитлеровцев, контрнаступления не меньше поразило их появление в нашем небе американских самолетов Р-40 «Томагавк». Известные ветеранам люфтваффе по боям на территории Великобритании, они были снабжены — не в пример советским машинам той поры — радиосвязью. Нет, не американцы или англичане вели их в яростный бой: радиоэфир разрывался от грозной русской речи летчиков 126-го истребительного авиаполка ПВО, осваивавших крылатые подарки союзников.

Принцесса Великобритании Анна на праздновании 75-летия со дня прихода в Архангельск первого союзного конвоя «Дервиш». Август 2016 года

Уже 4 декабря сорок первого Герой Советского Союза старший лейтенант Степан Ридный, имевший к тому моменту пять побед, одержанных на МиГ-3, открыл счет таковым и на «Томагавке» — срезал смертельным огнем Хе-111. В боевое дежурство 14 декабря — второго «Хейнкеля». Среди многих других героев полка особенно отличился лейтенант Петр Белясник, сбросивший (также на «Томагавке») с неба 7 фашистских стервятников.

Но это, в сущности малоизвестное, явление «союзнических» самолетов на главном фронте Второй мировой оказалось не первым. Некоторый приоритет тут был у летчиков британских Королевских ВВС, сражавшихся в небе Заполярья.

31 августа Архангельск отметил 75 лет со дня прибытия из Англии морского конвоя с военными грузами под кодовым именем «Дервиш». Тот, состоявший из 7 транспортов, 11 кораблей охранения и 2 авианосцев, пришел в СССР за два с лишним месяца до знаменитого распоряжения Рузвельта, распространившего закон о ленд-лизе на нашу страну. Показателен день подписания американского документа — 7 ноября 1941 года: радио тогда известило весь мир о военном параде на Красной площади. И если прежде Советский Союз оплачивал зарубежные поставки золотом, редкими рудами, пушниной, икрой, то отныне снабжение товарами осуществлялось в кредит.

Среди доставленных в архангельский порт грузов были глубинные бомбы, магнитные мины, каучук, олово, шерсть, 1500 тонн солдатских ботинок, а также... самолеты «Харрикейн» для авиации Северного флота, причем с опытными пилотами в придачу.

Но прежде советские пограничники и другие боевые части отбили многочисленные атаки немецко-финских войск, удержав государственную границу и сорвав план Гитлера по проведению намеченного на 20 июля 1941-го собственного парада в незамерзающем Мурманске. Тем более, не по зубам врагу был удаленный от районов боевых действий Архангельск.

Конвой «Дервиш» привез к нам три десятка обстрелянных в боях с фашистами летчиков и более 500 человек наземного персонала 151-го авиакрыла Королевских ВВС. Английские авиатехники приступили к сборке 15 самолетов, прибывших в разобранном виде. Тем временем британские пилоты на 24 машинах, поднятых из трюма авианосца «Аргус», повели их 7 сентября, после облета и изучения с нашими штурманами маршрута по карте, курсом на Мурманск, а затем приземлились на аэродроме Ваенга (Североморск).

Старожилы, свидетели интервенции англо-американских войск в период Гражданской войны, на гостей во франтоватых, непробиваемых дождем и снегом кожаных куртках и регланах поначалу поглядывали с недоверием. Но уже вскоре зазывали в дом на чай со смородиновым листом и вареньем из морозики. А для

ФОТО: ПРЕСС-СЛУЖБА ГУБЕРНАТОРА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛ./ТАСС

советских пилотов прилет союзнических «Харрикейнов» и передача этих машин стали нечаянной радостью.

Легендарный летчик 78-го авиаполка Северного флота Борис Сафонов (более десятка побед на устаревшем И-16, «ишачке»), представленный в те дни к званию Героя Советского Союза, освоил западную часть под руководством командира 134-й авиаэскадрильи лейтенанта Энтони Миллера за один день. Весь полк — дней за десять. Но вот вооружение «Харрикейна», тоже «старичка», 30-х годов выпуска, показалось грозе фашистов Сафонову слабоватым, и наши механики усилили его огневую мощь четырьмя крупнокалиберными пулеметами.

11 сентября британские летчики посчитали нужным продемонстрировать русским друзьям свое мастерство в воздушном бою. Можно представить, какой переполох в люфтваффе вызвали английские машины в небесах и английская же речь в эфире. В первой стычке с немцами в районе Петсамо (Печенга) отважные гости сбили три «Мессершмитта-109 Е» и вывели из строя разведчик «Хеншель-126». К сожалению, был подбит и пропал без вести сержант Норман Смит. Всего за неполный месяц англичане обезвредили 15 самолетов со свастикой — впечатляющий результат.

16 ноября последние воздушные бойцы и техники 151-го авиакрыла покидали Мурманск. Они выстроились на палубах кораблей, а над ними в почетном строю пролетели «Харрикейны» с командой Героя Советского Союза Бориса Сафонова.

В начале марта 1942-го этот прославленный ас и еще трое его однополчан были удостоены высшей авиационной награды Британии — креста «За выдающиеся летные заслуги». В том же месяце советский посол в Лондоне Иван Майский вручил ордена Ленина командиру авиакрыла полковнику Генри Рэмсботтону-Ишервуду, командирам эскадрилий Тони Миллеру и Тони Руку, а также сержанту Уэгу Хоу.

30 мая 1942-го гвардии подполковник Сафонов, к тому моменту командир 2-го гвардейского авиаполка Северного флота, выполняя свой 234-й вылет для прикрытия очередного морского каравана, был подбит в неравном бою, успев уронить перед этим два вражеских самолета. Внизу блистательного пилота ждали холодные, гибельные волны... За 30 воздушных побед он стал первым дважды Героем Советского Союза — посмертно. Среди летчиков Северного флота, летавших преимущественно на ленд-лизских машинах, геройских Звезд удостоились 53 человека.

За годы войны союзники доставили нашим ВВС 22 000 единиц летающей боевой техники. Много это или мало? Советский тыл самоотверженным трудом произвел в 6 раз больше — 136 800 самолетов, не уступающих вражеским и союзническим, а нередко и превосходящих оные. Однако следует помнить: убыль

Герой Советского Союза Б. Сафонов

ФОТО: ГЕОРГИЙ ЗЕЛЬМАРИА НОВОСТИ

машин во всех авиациях мира в военный период трагически велика — в воздушных схватках, от зенитного огня, бомбежек на аэродромах, отказов механизмов, капризов погоды, ошибок необстрелянных пилотов и многих случайностей.

В 1943-м в Ваенге по договоренности с советским руководством базировалось 543-е разведывательное звено Королевских ВВС — три «Спитфайра» с фотоаппаратами. Главная задача подразделения заключалась в подготовке операции по выведению из строя немецкого линейного корабля «Тирпиц», серьезной угрозы для ленд-лизовских конвоев. Операция прошла успешно, линкор был поражен подрывными зарядами мини-субмарин и встал на ремонт до весны следующего года. Британское звено вело разведку и в интересах нашего Северного флота. С сентября по ноябрь 1943-го оно совершило 50 рискованных полетов над основными военно-морскими базами гитлеровцев в Норвегии, доставляя командованию советских моряков ценную информацию.

Для активизации наблюдений за «Тирпицем», готовившимся выйти из ремонта, в марте 44-го знакомое нам звено «Спитфайров» вернулось в Ваенгу, чтобы вновь снабжать как британцев, так и русских добытыми данными. Наше командование также делилось с товарищами по оружию важными сведениями. А бом-

бардировщики «Ланкастеры», призванные нанести удары по «Тирпицу», базировались в Архангельске. Тремя их сверхмощными бомбами и был уничтожен наконец знаменитый нацистский линкор — это произошло 12 ноября 1944 года.

Завязывались дружеские отношения и с американскими летчиками. Со 2 июня 1943-го по сентябрь 1944-го при оперативном руководстве штаба 17-й Воздушной армии, которой командовал генерал-полковник Владимир Судец, тяжелые бомбардировщики ВВС США, а также истребители сопровождения после ночных бомбардировок территорий, подконтрольных Германии, на остатках топлива летели дальше на восток. И садились на аэродромы освобожденных районов СССР — в Полтаве, Миргороде, Пирятине. Многие — с сильными повреждениями. Пока пилоты отдыхали, наши авиатехники и механики ремонтировали их самолеты, заправляли топливом, маслом, подвешивали к ним бомбы. А советские «ястребки» барражировали над аэродромами, охраняя заокеанских товарищей от вражеских налетов. Возле нацеленных ввысь зениток не спали наводчики. Затемно американцы отправлялись в обратный путь, вновь выполняя по маршруту следования смертоносное боевое задание. Таким образом они совершили 2207 челночных вылетов, сбросили на крупные промышленные и нефтеносные объекты противника 2000 тонн бомб.

От тех дней осталась и прижилась в народе лихая песня об американских бомбардировщиках в русском переводе: «Мы летим, ковыляя во мгле... Мы летим на последнем крыле. Бак пробит, хвост горит, но машина летит на честном слове и на одном крыле...»

Как бы там ни было, после войны президент Гарри Трумэн не без типичного для людей его круга цинизма отмечал: «Деньги, истраченные на ленд-лиз, безусловно,

спасали множество американских жизней. Каждый русский, английский или австралийский солдат, который получал снаряжение по ленд-лизу и шел в бой, пропорционально сокращал военные опасности для нашей собственной молодежи».

Совсем иначе рассуждали о Второй мировой ее непосредственные участники. К примеру, те, кто терял товарищей на кораблях, подорвавшихся на минах или разбомбленных вражескими самолетами.

**От тех дней осталась
песня: «Мы летим,
ковыляя во мгле...
Мы летим на последнем
крыле. Бак пробит, хвост
горит, но машина летит
на честном слове
и на одном крыле...»**

Герой морских конвоев Стэнли Баллард много позже свидетельствовал: «Нам платили за риск смерти 2 шиллинга в день на питание, 5 пенсов на одежду и бесплатно — славу героев... Но она дороже всего».

Старый английский моряк будто знал о давних словах Трумэна

про «русского, английского или австралийского солдата», шедшего в бой с ленд-лизом снаряжением, сокращая тем самым военные риски для среднестатистического американца. Уже в начале XXI века он потрясающе ответил президенту Джорджу Бушу-младшему на его похвалу в адрес британских ветеранов войны: «Вы нестигаемые бойцы!» — «Что ж, кузен (англичане так иногда зовут американцев), мы дали вам свой английский язык, и мы должны были быть нестигаемыми, чтобы выиграть войну за вас...»

Еще более горький упрек американским союзникам могли бы предъявить советские войны: случались периоды необъяснимых перерывов в поставках оружия и боевой техники. Петр Белясник, потерявший свой боевой «Томагавк» как раз в момент острой нехватки самолетов, и его однополчанин Николай Самохвалов после Сталинградской битвы внесли 45 тыс. рублей из своих «боевых» денег и довоенных сбережений на постройку самолетов для себя. Указом от 28 апреля 1943 года обоим асам были присвоены звания Героев. К сожалению, Николай Степанович погиб в 44-м, а Белясник на именном истребителе Ла-5 воевал до самой Победы.

ФОТО: АЛЕКСЕЙ ДАНИЧЕВ/РИА НОВОСТИ

Ретроспектива

ФОТО: ASSOCIATED PRESS/TACC

Венгерский майдан в «картинах» Серова

Владимир Перекрест

В декабре 1956-го, ровно 60 лет назад, в Венгрии был подавлен антикоммунистический мятеж. По сути, первый майдан. Многие документы тех времен рассекречены, но в этом году опубликованы сенсационные дневники генерала Ивана Серова, с 1954-го по 1958-й возглавлявшего КГБ СССР. Есть там и страницы, посвященные событиям в Будапеште, куда шеф спецслужбы выезжал, чтобы лично руководить операцией по ликвидации путча.

Записки из чемодана

Иван Серов — личность легендарная. Один из организаторов партизанского движения и диверсионных отрядов в Великую Отечественную. Руководитель «пятерки», сформированной для минирования и подрыва в Москве важнейших объектов в случае, если столицу придется сдать, — в 41-м рассматривался и такой вариант. При этом Серову предстояло остаться в городе в качестве резидента-нелегала. Обеспечивал безопасность Сталина во время его выезда на фронт в августе 1943-го.

Этот рыцарь плаща и кинжала не чурался, когда надо, надевать и солдатскую шинель. Особенно отличился в 1942-м на Кавказе, где получил тяжелейшую контузию, и при взятии Берлина, за что был удостоен Золотой Звезды Героя. Серову удалось первым обнаружить сожженные тела Гитлера, Евы Браун и Геббельса. После войны, оставшись в Германии, занимался розыском немецких ученых для участия в советской ракетной программе. Поражаешься разнообразию задач, которые доводилось решать этому человеку. Так, в 1952 году он обеспечил даже свое-

временную сдачу в строй Волго-Донского канала.

Пользовался огромным доверием со стороны Хрущева. Недаром генералу было поручено арестовать личную охрану Берии. Несколько человек он разоружил самостоятельно. Например, у заместителя начальника бериевской охраны Сардиона Надаря просто силой отобрал револьвер и «Вальтер» со словами: «Слушайся меня»; этот эпизод Серов упоминает в своих мемуарах.

Спустя несколько лет, в 1958-м, Хрущев даже поставил любимца руководить Главным разведывательным управлением. И тут блестящая карьера рухнула. Виною тому — полковник ГРУ Олег Пеньковский, работавший на английскую и американскую разведки. Когда предателя разоблачили, это стало таким шоком для советского руководства, что, невзирая на бывшие заслуги, Серова «за потерю бдительности» не только сняли с руководства ведомством, но и лишили Звезды Героя, понизили в звании, выслали в Тур-

кестанский округ, а затем исключили из членов КПСС и уволили из армии. Примечательно, что вскоре после расправы над Серовым Хрущев и самого сместили. По некоторым сведениям, опальный начальник разведки трижды предупреждал Никиту Сергеевича о готовящихся против него внутривластных заговорах.

Опасения, что Серов ведет записки, не однажды приходили на ум руководителям спецслужб. Более того, по свидетельству историка Никиты Петрова, еще в 1971-м председатель КГБ Юрий Андропов доложил в ЦК КПСС о том, что «Серов И.А. в течение последних 2-х лет занят написанием воспоминаний о своей политической и государственной деятельности». По словам издателя мемуаров известного журналиста Александра Хинштейна, эту информацию Андропов якобы получил от Юлиана Семенова, посетившего как-то отставного шефа советской послевоенной разведки.

А ведь в 1956-м Андропов, будучи послом в Венгрии, бок о бок с Серовым, рискуя жизнью, давал отпор путчистам, но, как говорится, «дружба дружбой, а служба службой». Кто знает, вдруг воспоминания будут опубликованы на Западе — это же скандал. За отставным генералом начали наблюдать, даже устраивали негласные обыски на даче, однако так ничего и не нашли. Летом 1990-го один из основателей советской разведки ушел из жизни. Хинштейн со ссылкой на зятя Серова — писателя Эдуарда Хруцкого — рассказывает, что даже после смерти дача в Архангельском подверглась негласному обыску. И снова нулевой результат.

Казалось бы, тайна ушла вместе с генералом, но спустя почти четверть века как гром среди ясного неба прозвучала новость о том, что воспоминания найдены. Вступившая в права наследования внучка Серова Вера затеяла на даче ремонт. Дала задание рабочим снести пристройку-гараж. Несколько ударов кувалдами — и пред взорами изумленных гастарбайтеров предстали два запорошенных серой пылью допотопных чемодана. А внутри — блокноты, машинописные и рукописные листы. Да-да, те самые воспоминания, которые много лет безуспешно искал КГБ.

Н. Хрущев
и И. Серов. 1957

«Это же чистое предательство»

О действиях советских комитетчиков во время венгерских событий «Свой» рассказывал в очерке о заместителе Серова — «Шесть «Знамен» разведчика Короткова» (см. № 3 за 2016 год). Воспоминания самого шефа КГБ позволяют полнее узнать, что происходило в мятежном Будапеште.

Путч вспыхнул в октябре. Началось с противостояния председателя правительства Венгрии ярого сталиниста Матьяша Ракоши и коммуниста-реформатора Имре Надя. В июне 1953-го Ракоши был

смещен с премьерского поста, сохранив, правда, лидирующие позиции в Венгерской партии трудящихся (ВПТ). Имре Надь начал реформы, переориентировал экономику с индустриализации на развитие легкой промышленности и сельского хозяйства — отраслей, дающих «быстрые деньги». Это сделало Надя популярным, да и СССР он вполне устраивал, тем более что до войны долго жил у нас, работал в Коминтерне и даже был секретным сотрудником ОГПУ-НКВД. Однако Ракоши взял реванш: 18 апреля 1955 года его соперник был смещен с поста премьера и исключен из ВПТ.

Такой ренессанс вызвал недовольство среди мадьяр. Экономические тяготы усугублялись тем, что Венгрия как активный союзник Гитлера, поставивший ему на службу почти полтора миллиона солдат, должна была выплачивать солидные репарации Советскому Союзу, Чехословакии и Югославии. К экономическим лозунгам добавились требования вывода из Венгрии советских войск, отказ от социалистического курса. Проводниками таких настроений стали те, кто ранее служил режиму гитлеровского сподвижника Хорти. Через 10 лет после Победы они вернулись из плена и тюрем. И, как показали дальнейшие события, вовсе не перековались, а только ждали случая поквитаться с коммунистами. Протестные настроения умело подогревались извне. Из Германии и Австрии забрасывались антисоветские листовки. Разворачивалась антикоммунистическая пропаганда на германских радиостанциях, вещающих на венгерском языке.

В результате руководство ВПТ сместило Ракоши. Если бы в тот момент во власть призвали Имре Надя, то, возможно, беспорядки, пока они еще не приняли вооруженный характер, потихоньку бы улеглись. Но венгерские левые решили поставить у руля еще более жесткого сталиниста — бывшего

министра внутренних дел Эрне Гере. В выступлении по радио тот назвал митингующих фашистами и антисемитами, что вызвало новую волну беспорядков. Надь же возглавил оппозицию — во многом им двигала и личная обида на товарищей по партии за то, что не поделились властью.

Примечательно, что СССР не вмешивался в события. И только когда зазвучали выстрелы, Серов, Микоян и Сулов получили задание срочно вылететь в Будапешт. Все трое — высшие сановники государства и партии, опытные управленцы. Микояну за 60, двум другим — за 50.

К тому времени, в полном соответствии с майданной стратегией, студентов в рядах протестующих сменили радикалы. Были захвачены военные объекты, солдаты и офицеры переходили на сторону мятежников. Однако многие подерживали коммунистов, в стране назревала гражданская война, появились первые жертвы. Гере призвал Надя встать во главе правительства, но ситуация уже вышла из-под контроля, и новый премьер вынужден был делать то, чего требовала от него толпа.

По приезде Серов встретился с Надем. Тот хитрил: «Дайте нам несколько дней, и мы все выправим. А для того, чтобы успешнее нам решать трудности, выведите войска Советской Армии из Будапешта». «Я так и подпрыгнул, это чистое предательство», — пишет Серов.

В городе полная неразбериха, ранен сотрудник посольства, от бронетехники на узких улочках больше проблем, чем пользы. «Наши танкисты, будучи обстреляны повстанцами из переулка, открыли ответный огонь и снесли снарядами балкон и угол в турецком посольстве. Я приказал командиру бригады пойти с извинениями», — вспоминает автор мемуаров.

Хрущев принял решение согласиться с Надем и приказал вывести войска. Оценка Серова: «Глупее этого решения трудно придумать».

Помог физкультурник

После вывода войск в Будапеште началась вакханалия. Первым делом снесли памятник Сталину. «На постаменте осталась нога с сапогом», — вспоминает руководитель КГБ. Из тюрем были выпущены тысячи военных преступников и уголовников. По городу прокатились погромы, восставшие охотились за сотрудниками правоохранительных органов и коммунистами. Весь мир обошли фотографии жертв будапештского «майдана»: растерзанные тела, повешенные вниз головой, со вспоротыми животами, обезображенными кислотой лицами. Просто расстрелять коммуниста без суда и следствия считалось актом милосердия.

Двух дней хватило, чтобы руководство СССР поняло свою ошибку. 2 ноября в 9 вечера состоялось заседание Президиума ЦК КПСС. Первым выступил Жуков: «Считаю, что уходить нам оттуда нечего, а если будут ершиться, то набьем морду, и они утихнут». Серов добавил: «Правительство» во главе с Надем надо изолировать».

Для выполнения этой задачи глава КГБ сделал хитрый ход. Дал поручение первому замначальника Генштаба Михаилу Малинину пригласить руководство восставших в аэропорт, якобы на переговоры о выводе войск. Имя Серова при этом упоминаться было не должно. Просто организационно-хозяйственное уточнение деталей, никаких спецслужб. Венгры поверили.

К тому времени в ряде районов уже приступили к работе ставленники мятежников, в страну хлынули сбежавшие после войны владельцы собственности в надежде вернуть свое. Параллельно с Западом продолжало поступать оружие, его перевозили в машинах с красными крестами. Задержание одной из них описывается в воспоминаниях генерала.

Венгерская делегация, 12 человек, прибыла в сопровождении

Венгерские мятежники жгут портреты Сталина 1956

ФОТО: ASSOCIATED PRESS/TACC

двух взводов вооруженной охраны. Этого Серов не ожидал. Едва успел подогнать взвод своих бойцов, проинструктировал их, а затем расставил в коридоре напротив венгерских солдат, чтобы каждого держать под контролем. После этого с группой генералов КГБ вошел в зал, где проводились переговоры. «Венгры явно насторожились», — отмечает Серов. Дальнейшее излагает так: «Встал и говорю: «Довольно заниматься пустой болтовней о выводе советских войск. Трудящиеся Венгрии не для того обрели независимость, чтобы вы посадили на их шею капиталистов». Сделал паузу и добавил: «Переговоры прекращаются, вы все задержаны Советской Армией». Венгерский генерал попытался выхватить револьвер, но заместитель Серова Александр Коротков («хороший физкультурник» — оценил шеф КГБ) успел перехватить руку и вырвать оружие.

Выдвинулись в Будапешт. Колонна танков, в одном из которых находился Серов, при подъезде к городу едва не угодила в засаду. Спасибо венгерскому мальчишке, предупредившему русских: «Показал пальцем на тоннель и сделал движение губами: «Бух, бух!» Дали первыми залп вдоль тоннеля...

Было дело, и случай помогал. К одному из советских сотрудников в штатском подошел венгр с портфе-

лем и спросил, где здесь югославское посольство. Сотрудник мигнул своим, венгра проводили, да только в здание советской миссии. Оказалось, что это начальник главного управления полиции Копачи, снабжавший повстанцев оружием. В портфеле были драгоценности, крупная сумма денег, поддельные документы.

Серов не останавливается на подробностях ожесточенного сопротивления венгров — с его позиций это уже дело техники: на войне как на войне. С 23 октября по 31 декабря 1956 года было уничтожено 2652 венгерских повстанца, погибло 348 мирных жителей (это в основном замученные мятежниками сторонники просоветского курса), было ранено 19 226 человек.

Потери Советской Армии составили 669 человек убитыми и 1251 ранеными. 51 считается пропавшим без вести — тела этих солдат обгорели настолько, что их невозможно было идентифицировать.

Имре Надь с другими руководителями восстания укрылись в посольстве Югославии. Их тоже выманили хитростью. Новый премьер Венгрии Минних пообещал им транспорт, чтобы развезти по домам. А в разговоре с Серовым сказал: «Куда вы их повезете, это дело ваше, главное, чтобы они не появились в городе». В назначенное время

И. Надь

Я. Кадар

у ворот посольства появился автобус. За рулем — одетый в штатское бывший командир действовавшего в Белоруссии диверсионного партизанского отряда «Неуловимые» Михаил Прудников. Заговорщики, не чуя подвоха, сели. Последним шел Надь. Вдруг замер на ступеньке и, словно что-то заподозрив, задал шоферу вопрос по-венгерски. И не услышав ответа, крикнул своим: «Это не венгр и не шофер». Однако шедший сзади сотрудник венгерской службы безопасности со словами «побыстрее, нам некогда» втолкнул Надя в салон, Прудников тут же закрыл дверь, и автобус тронулся.

Имре Надя выслали в Румынию, а потом по настоянию нового партийного руководителя страны Яноша Кадара выдали Венгрии. После долгого судебного процесса, несмотря на заступничество советского руководства, Кадар настоял на смертном приговоре — казни через повешение. И в отсутствие политического соперника правил страной долгие 32 года.

Советская власть

Знаете,

КАКИМ ОН ДЕДОМ БЫЛ

Нильс Иогансен

19 (6) декабря 1906 года, 110 лет назад, родился Леонид Ильич Брежнев — руководитель СССР, человек, которого многие наши соотечественники до сих пор вспоминают с теплотой. Всевозможных «баек» про него — не счесть. Что в них правда, а что вымысел, читателям «Своего» рассказывает внук генсека, Андрей Юрьевич Брежнев, известный политический и общественный деятель.

СВОЙ: Как Вы называли генерального секретаря ЦК КПСС и председателя Президиума Верховного Совета СССР, встречаясь с ним с глазу на глаз? Может быть, «деда Лёня»?

Брежнев: Или «дедушка», или «деда» — без «Лёни». По имени его только бабушка звала, Виктория Петровна.

СВОЙ: Вы его часто видели? Много ли времени он уделял семье?

Брежнев: Мы приезжали к нему практически каждые выходные. Но он постоянно работал. В восемь завтракал, в девять был уже в Кремле, возвращался в шесть-семь вечера, иногда позже. Ужинал и уходил к себе в кабинет, где долго сидел с бумагами. Все эти чемоданы с документами, которые ему постоянно приносили, были и в квартире, и на подмосковной даче,

и в Крыму... Спать ложился только по «настоятельному приглашению» Виктории Петровны. И так — в любой день.

СВОЙ: *Государственные дела в семье обсуждали?*

Брежнев: Нет, на эти темы было наложено табу. Леонид Ильич четко разделял работу и дом. За столом и на отдыхе говорили о чем угодно, но не о политике.

СВОЙ: *А если домашние все-таки ее касались? Ругался?*

Брежнев: Он был очень веселым, добрым, жизнерадостным человеком. Много шутил, мог стихотворение с выражением прочитать. Когда был помоложе, часто пел, любил посидеть в компании, если на это находилось время. То есть крайне редко.

Так вот, мне памятно всего два случая, когда дед резко и строго осаживал родственников. Однажды зашел разговор о Хрущеве, он его прервал — встал и сказал изменившимся голосом: «Хватит, замолчите, вы просто не знаете, ЧТО такое Хрущев». Так и сказал — не «кто», а «что». Тему эту больше не поднимали.

Второй раз — дискутировали о том, что люди стали небрежно относиться к хлебу, мол, им кормят домашнюю скотину, выбрасывают, и было бы правильно поднять на него цену. Ведь тогда тот практически ничего не стоил. Леонид Ильич также повысил голос, чего не делал почти никогда: «Хлеб — это не продукт, а политика. Не понимаете — сидите и молчите». И дебаты прекратились.

СВОЙ: *А говорите, не обсуждали политику...*

Брежнев: Он и не обсуждал. Да и вообще у нас в семье такие беседы случались весьма нечасто. В минуты отдыха он старался переключиться на что-то иное, отвлечься от работы. Кино любил смотреть, особенно про войну. И постоянно комментировал: вот тут авторы не правы, эта дивизия не там воевала, подобный приказ никто не отдавал,

Полковник
Л. Брежнев.
1943

ФОТО: ИТАР-ТАСС

такой-то военачальник здесь не командовал...

СВОЙ: *Просто комментировал или это влекло за собой соответствующие оргвыводы?*

Брежнев: Не следовало никаких «выводов». Леонид Ильич понимал, что увиденное — не более чем кино, то есть по определению отчасти вымысел.

Он хотел уйти с госслужбы, в отставку начал проситься с 1978 года. Но его окружение не позволило это сделать — никто не хотел на себя взваливать ту ношу, которую тащил Брежнев

СВОЙ: *А то, что он в конце 70-х хотел уйти на пенсию, — вымысел или нет?*

Брежнев: Это правда. Во второй половине 1970-х, прекрасно помню, дед часто и подолгу думал, сидя в своем кресле. Сейчас я понимаю, о чем он тогда размышлял. Да, он хотел уйти с госслужбы, в отставку начал проситься с 1978 года. Но его окружение не позволило это сде-

лать — никто не хотел на себя взваливать ту ношу, которую он тащил.

Пока дед был молодым, он руководил государством сравнительно легко. Энергии и сил ему вполне хватало. Но постепенно тяжелая ноша придавливала.

СВОЙ: *Поговаривают, что ему «помогли» уйти на тот свет...*

Брежнев: Считаю, что причины смерти были естественными — он просто сгорел на работе, не вынес все возрастающих нагрузок. А бросить дело не мог.

СВОЙ: *Неужели некому было передать власть? У него же имелся ближний круг.*

Брежнев: Этот «круг» тоже стал со временем весьма возрастным. Вот дед и тянул лямку. Он был коммунистом, как принято говорить, идейным. Работал из последних сил.

И в окружении были трудолюбивые люди. Громыко до последних своих дней на посту находился, так же — Устинов, Черненко... Константина Устиновича дед с собой много лет везде тащил, а просто так генсек Брежнев ничего не делал. Если человек не оправдывал доверия, то становился ненужным во власти, Леонид Ильич от такого кадра быстро избавлялся. Однако Черненко был отличным организатором, умным и надежным. Хотя тоже в возрасте...

СВОЙ: *Машеров — эта фамилия в беседах с бабушкой упоминалась?*

Брежнев: Повторюсь, он четко разделял дом и работу. Упоминалась, но в быту. Как-то сидим за столом, на нем — варено-копченая колбаса. Дед и говорит: это товарищ Машеров прислал из Белоруссии, хорошая у него колбаса.

СВОЙ: *А что он предпочитал из блюд?*

Брежнев: Колбасу, кстати, ел вареную или варено-копченую, сырокопченую не жаловал. Больше всего любил макаронные, советские, которые серые и толстые — «шланги», причем сильно разваренные. Он поливал их топленым маслом и

ФОТО: ВЛАДИМИР МУСАЗЛЯН/ТАСС

Справнучкой Галей. 1973

с огромным удовольствием кушал. Борщ очень уважал, украинский. Вообще в пище был не привередлив, а ел чрезвычайно быстро — по-солдатски. Это у него с армии осталось.

Одевался тоже крайне просто. Дома ходил в таких же тренировочных штанах с пузырями на коленках, что и все советские граждане, и в не менее обычной майке. На даче — в полотняных брюках и просторной рубашке навыпуск, тоже какой-то простецкой, магазинной.

Правительственная дача в Немчиновке выглядела очень скромно. Помню старый деревянный дом. Лишь в 70-е его перестроили, и он стал кирпичным, современным. Да и как «дача» — жил он там постоянно. Выходил утром на крыльцо с сигареткой, нравился ему загородный быт. А квартира на Кутузовском стояла опечатанной, пустовала.

СВОЙ: Это правда, что он просил охрану на него дышать?

Брежнев: Правда. Когда врачи запретили курить, он таким хитрым образом обходил их указания.

СВОЙ: Отдавал ли он себе отчет в том, что в стране накапливались проблемы?..

Брежнев: Прекрасно понимал. И проблемы действительно имели место — как в любом государстве мира. Вот только они были не настолько существенными, насколько их раздули задним числом. ВВП рос, благосостояние народа — также, страна выходила на новый технологический уровень. Додельывали «Буран», начали переводить ЖКХ страны с углеводородного топлива на мирный атом — строили ядерные ТЭЦ. Тогда, в начале 80-х, запускали много различных программ, сулящих фантастические перспективы. По сути, еще бы 10–15 лет такого развития — и СССР было бы уже никак не сломать. Потому и поторопились это сделать вскоре после смерти деда.

СВОЙ: Получается, неосведомленность Брежнева о бытовых проблемах советских людей, о дефиците и прочих нехороших вещах — ложь?

Брежнев: Естественно. Ведь не знать об истинном положении дел, с одной стороны, и не доложить об этом — с другой, было просто невозможно. Если одно ведомство утаит, а второе об этом поставит в известность, то случится скандал со всеми вытекающими последствиями. Он все знал, вот только, повторюсь, проблемы экономики Советского Союза ныне сильно преувеличивают. Ее специально разрушили, а теперь стараются всеми способами очернить. Недруги СССР нас очень боялись, ведь страна находилась на взлете в прямом смысле этого слова.

СВОЙ: Наших сограждан до сих пор пугают «железным занавесом»...

Брежнев: Как мне кажется, в то время вынашивались планы открыть границы, разрешить свободный выезд советских людей. Не сразу, а постепенно, по-умному.

Чтобы народ, не разобравшись, не купился за границей на призрачное изобилие, следовало обеспечить таковое сначала у себя дома. Дефицит по отдельным категориям производимой продукции собирались устранить через несколько лет, более того, ожидалось появление качественно новых товаров.

СВОЙ: Дед делился с внуками планами на светлое будущее?

Брежнев: Никаких посиделок в духе «дед и внуки» в семье не было. У него на это просто не оставалось времени, он постоянно работал. Все, что я вам сейчас рассказываю, собрано по крохам воспоминаний разных лет...

СВОЙ: А про Сталина что-нибудь говорил?

Брежнев: К Иосифу Виссарионовичу относился очень хорошо. Они были лично знакомы. На XIX съезде ВКП(б) Леонид Ильич должен был выступить 27-м, но его речь прозвучала третьей. Незадолго до мероприятия деда вызвали на Ближнюю дачу, там и познакомились с вождем. О чем говорили — никогда не распространялся. Разве только упомянул, что Сталин попросил внести в заготовленную речь некоторые изменения.

СВОЙ: *О войне вспоминал?*

Брежнев: Не любил эту тему. Все его инициативы по разоружению — как раз следствие памяти о Великой Отечественной. Он совершенно искренне хотел, чтобы на планете воцарился мир, чтобы повсюду прекратились массовые убийства людей. Договоры ОСВ-1 и ОСВ-2 — не показуха, а плоды личных убеждений сугубо мирного человека. Ему просто когда-то пришлось воевать, защищать Родину.

СВОЙ: *А как же «Малая земля», которую в СССР так раскручивали?*

Брежнев: Леонид Ильич никакого отношения к этой шумихе не имел. Что же касается книги, то она являлась литературной редакцией воспоминаний полковника Брежнева. Он их надиктовывал, потом тщательно вычитывал, правил. К теме войны относился в особой степени трепетно.

СВОЙ: *Тем не менее войска в Афганистан ввел...*

Брежнев: Он был против, настоял на этом Андропов, а Устинов того поддержал. Власть не принадлежала одному человеку, решения принимались коллегиально. Громыко тоже был за ввод. Однако страной как бы руководил Брежнев, значит, всю вину вешают на него.

СВОЙ: *Как он относился к американцам? Как к врагам?*

Брежнев: Совершенно спокойно к ним относился — как к партнерам в международной политике. Ведь тогда все решалось по взаимной договоренности, грубо говоря, по щелчку. Им что-то надо — звонят в Москву, приходят к соглашению. Так же и наши: телефонируют в Вашингтон — все просто и быстро. А потом этот сбалансированный дупольярный мир сломали, и получилось в итоге то, что вы видите.

СВОЙ: *Машины Брежнева — любимая тема бульварной прессы. Лично Вас он когда-нибудь катал?*

Брежнев: Водителем он действительно был отличным, технику любил. Только она в основном ему

лично не принадлежала, машины числились за Гаражом особого назначения — знаменитым ГОНОм. За руль он, конечно же, садился, но лишь на отдыхе. Управлял, например, одним из «подарочных» «Мерседесов» в Крыму, от аэропорта Симферополя — до дачи. При этом никого из семьи в авто не было, рядом с ним находились охранники. Таковы правила, и он им подчинялся. Иногда в салоне могла сидеть Виктория Петровна, но и это — редкость. Так что меня он не катал.

За руль «Волги» или ЗИЛа дед не садился, прекрасно понимая, что подобное поведение — не по чину. Негоже главе государства изображать простого шофера. Вот прокатиться иногда с ветерком на мощной полуспортивной машине — другое дело. Да и то охрана подобное позволяла очень неохотно. На автомобиле он все-таки больше любовался, те стояли в ГОНе — и только.

СВОЙ: *Еще одна избитая тема — охотничьи ружья...*

Брежнев: Да, их постоянно дарили — и нарезные стволы, и гладкие. Под них на даче пришлось даже специальную «оружейку» строить и сажать туда охранника. По сути,

это был рабочий инвентарь: как правило, на мероприятия в Завидово приглашались иностранные и крупные советские политики, там проводились важные переговоры. Лишь в исключительных случаях он мог расслабиться с друзьями. Хотя оружие любил и стрелял очень хорошо.

После смерти весь арсенал тут же изъяли, Андропов даже за чем-то дал на сей счет специальное указание. В семье осталась пара стволов, не сказать чтобы каких-то особенных. Куда потом делись все «ружья Брежнева», которые сегодня якобы можно купить чуть ли не в любом антикварном магазине, я не знаю.

Очень много неправды говорили и писали о Леониде Ильиче, и эти злые сказки, к сожалению, продолжают культивировать.

СВОЙ: *Тем не менее, он до сих пор многими в народе любим. Вы, будучи внуком, на себе это ощущаете?*

Брежнев: Еще как. Ни разу не было такого, чтобы о деду мне сказали нечто крайне неприятное. Да и вообще я не слышу про него негативных слов от простых людей. А это о чем-то говорит... Приятно, что уж там.

ФОТО: ВЛАДИМИР МУСАЭПЬЯНУЛАС

На охоте. 1973

ФОТО: ЕГОРОВ/РИА НОВОСТИ

Контроль над дураком

Николай Ирин

Рассуждать о Юрии Никулине — со дня его рождения исполняется 95 лет — в духе «общих мест» как-то неловко. «Обожаем доброго, веселого клоуна», «истинно народный артист», «таких, как он, настоящих, подлинных, не было и не будет» — упрощать, бормоча дежурные, юбилейные заклинания, определенно не годится. Зато, наверное, небезынтересно разобраться: как несерьезный человек без «приличного» актерского образования заслужил общенационального масштаба признание на десятилетия, на века?!

СЛЕДУЕТ несколько «усложнить» такой знакомый и будто бы одномерный образ, внимательнее приглядеться к ролям, самым разным записям, по возможности перетолковать очевидное — вот и будет ему лучший «нерукотворный» памятник, а нам, зачарованным поклонникам, — в некотором роде наука.

Его в свое время не взяли учиться ни во ВГИК, ни в театральные институты: дескать, никакого актерского таланта не просматривается. Однако приняли в студию клоунады при Московском цирке на Цветном бульваре. Вряд ли есть веские основания для того, чтобы считать уважаемых членов приемных комиссий людьми некомпетентными. Никулин по натуре — не «психолог», не погружается на предельную глубину самое себя. Не копается в собственных комплексах, не вытаскивает их на поверхность и подробно не анализирует. А значит, может, и нечего ему было делать в традиционных актерских мастерских.

«Кавказская пленница,
или Новые приключения Шурика». 1967

«Бриллиантовая рука». 1969

Актриса Нина Гребешкова, вспоминая знаменитую гайдаевскую тройцу Никулин — Вицин — Моргунов, отмечает: первый из этого трио никак не мог понять второго, склонного как раз к самоуглублению, вплоть до регулярной практики йоги. Техника Юрия Владимировича далека от системы Станиславского, атрибутики и символики «переживания». Скорее уж, он неосознанно тяготел к «театру представления» в духе Бертольда Брехта.

Впрочем, и это неточно. Искусство Брехта — по-хорошему грубое, демократичное, площадное. Никулину, однако, ближе не театральные подмостки, а цирковая арена. Он — словно экс-звезда балагана, выходец со «дна», с самого низа культурной вертикали. Причем никакой не «добрый клоун», как почему-то принято считать, не шут, не легкомысленный паяц. Но... центральный персонаж перевернутого мира, смотритель карнавальная и в то же время жестоко-гротесковой вселенной. Там принято пародировать официальное, снижать пафосное. Железобетонная этика упраздняется: предписано примерять маски от нелепо-смешных до зловеще-пугающих. И Юрию Владимировичу такое безобразие нравилось, видно же!

К нему нужно непременно присмотреться в первых, эпизодических, ролях: «Девушка с гитарой» (1958), «Неподающиеся» (1959). Позднее он добавит к этому еще и социальный налет, признаки «влияния среды»,

но вначале — стерильное хулиганство, первобытная тяга к своеволию.

Возникает ощущение, что Никулин в одиночку представляет от лица Хаоса: впустил его в себя, хитро приручил, смело взял в оборот, нагло поработил, а теперь мелкими дозами распыляет этот вселенский беспорядок посреди структурированной — «партией и правительством» — действительности. Посмотрите, что он делает в двух крохотных эпизодах «Девушки...», сколь экономно и точно жестикулирует, как работает мимикой, до чего необычно интонирует, навязывая официальным лицам «фейерверк типа салюта»:

— Может быть, в другой раз?

— Другого раза не будет!

Однако уже через пару мгновений, едва дым от коварно спланированного взрыва рассеивается, столь же категорично присовокупляет:

— Вот через пару дней зайду, тогда джикнет...

Никулинский персонаж-изобретатель не держит слово потому, что его задача — не от мира сего: нарушая порядок вещей, обнаруживать уже и в этом изменении новые степени свободы.

В «Неподающихся» его герой по фамилии Клячкин изначально придуман как непутевый алкоголик. В результате — иное. Никулин снимает с повестки

«Они сражались за Родину». 1975

«Чучело». 1984

дня отмазку «среда заела»: никакой «среды» и никаких претензий к персонажу со стороны исполнителя. Он искренно радуется — и своему герою, и вместе с ним. Ему комфортно в эпизоде, где персонаж манифестирует многоликость, представляясь кассирше Альбертом.

Та слегка недоумевает:

— Василий Клячкин?

— Какая разница!

Никулин играет здесь невозмутимого, твердого в своей приверженности Хаосу «трансформера». Прежде был Василий, но если надо, то станет и Альбертом. Клячкин не подчиняется регламенту, опровергает паспортные данные.

И вот уже «Неподающиеся» предстают не лирикой, не сатирой, но притчей о том, что дорога в ад выложена не чем иным, как благими намерениями. Линия занудливой Нади Берестовой в исполнении Надежды Румянцевой, вознамерившейся превратить двоих половозрелых парней в карманных (зачеркнуть «хомячков») добряков, смотрится как довольно сомнительная пропаганда. Зато поведение независимого, самодостаточного, пусть и пьющего Клячкина актуализирует понятие человеческого достоинства.

Никулин научен матерью-природой ловкому жонглированию масками. Точно маг-чародей, вытаскивает их из потайного места, демонстративно примеряет, тут же приучая нас к образу и моментально влюбляя в оный, а потом р-резко срывает, обнажая прием.

Тонкость этой работы, кажется, не вполне описана и оценена. Возьмем для примера воистину грандиозную никулинскую роль в картине Леонида Гайдая «Бриллиантовая рука» (1969). Изображая добрейшего недотепу Семена Семеновича, артист периодически приподнимает маску, давая понять внимательному зрителю, что он, Никулин, ею всецело управляет.

Ни один даже самый выдающийся

«Неподающиеся». 1959

«Андрей Рублев». 1969

актер «психологической школы» не выдержал бы заложенной в сценарии меры условности. Горбунков должен выглядеть типичным заурядным советским обывателем, но при этом быть достаточно ярким, своеобразным, чтобы ни на секунду не пропал интерес к нему и его приключениям. «Психолог» бы раскололся, банализировал образ, перегрузив подробностями. И утонула бы вся грандиозная «метафизика», универсальность конструкции.

Да и бдительные антисоветчики нашли бы чем поживиться: советский человек, мол, по природе дурак. Никулин же играет больше чем социальный тип, предьявляет больше чем характер. А Лелик

в исполнении Анатолия Папанова эту данность иронически комментирует (пожалуй, для всех помимо непосредственного визави): «Как говорит наш дорогой шеф, в нашем деле главное — этот самый, реализъм».

Никулинский «клоун» противостоит потрясающе подробным актерам и актрисам, которыми картина буквально нашпигована. Они-то и обеспечивают социальную достоверность, «реализъм», он же — вневременную универсальность.

Ближе к финалу, будучи привязанным к дереву рядом с главарем шайки, герой внезапно меняет стиль поведения, на три секунды

превращаясь из простака в хозяина положения: «Зря старались, бриллиантов там нет... Они давно уже в милиции, шеф!..» Как резко, а главное, внятно Семен Семенович перекодировал ситуацию, не правда ли.

Мы привыкли к «классике жанра», и далеко не всегда можем разглядеть паутину, сотканную из невероятно тонких нитей уникальной артистической фавулы, с очень изящными актерскими переходами.

В цирке степень условности много выше, чем в кино, поэтому Никулину раз за разом удаются сложнейшие символы, чтобы не сказать «архетипы». Этот, как принято считать, перманентный живчик беспроблемно показывает абстракции, сильно отвлеченные категории.

В своих серьезных ролях («Когда деревья были большими», «Андрей Рублев», «Они сражались за Родину», «Двадцать дней без войны», «Чучело») он легко очищает образ от сценарно предписанной суеты, укрупняет своего героя. В «Двадцати днях...» Никулин понадобился Алексею Герману примерно для того же, для чего Гайдаю в «Бриллиантовой руке»: противостоять навязчивому «реализму», вырывать протагониста из плена повседневности, поднимать до уровня символа.

Самая важная его черта — умение существовать здесь и сейчас. Актер психологического склада что-то этакое внутри себя накапливает, роется периодически в ментальном «соре», а потом из всего припасенного строит нечто. У клоуна — ни прошлого, ни будущего, ни «фундаментального» настоящего. Только две-три быстротекущие минуты. Он культивирует наступательный порыв в расчете на мгновенную и непосредственную реакцию зрителя. Причем — не интеллектуальную, а чувственную. У клоуна слишком мало времени и нет права на ошибку.

В «Кавказской пленнице» его герой — прибалтанный Балбес, в «Бриллиантовой руке» — дурачок простоватый. Всегдашняя работа Никулина — взять под контроль этого ситуативно изменчивого дурака. После того как его в себе обнаружит. Зритель считает эту победу на бессознательном уровне и ей радуется.

Контролировать «внутреннего дурака» — задача трудная, хотя необходимая каждому индивиду. Вот и выходит, что Юрий Владимирович — великий учи-

тель жизни, а не «смешной, очень смешной дядя». Клоун работает с «низким», жестокости бытия не утаивает и не оправдывает. Однако, по большому счету, и не осуждает (мол, кто я такой, чтобы судить все сущее). Так, поразительно проникновенно, играет Никулин в «Рублеве» умученного захватчиками монаха Патрикья.

«Люди увидят — ахнут!» — его кредо. Цирковая природа артиста к тому же требует сделать успех с кассой — любой ценой. Входя в кадр, он всегда стреляет глазами по сторонам, едва ли не принохивается, оценивает конкретную обстановку, конъюнктуру, перспективы удачи.

Та же Нина Гребешкова с легкой досадой говорит: в повседневности Никулин часто был сосредоточен на том, чтобы, пользуясь небывалой популярностью, «пробить, достать». Что ж, эта его страсть — не стяжательство, но продолжение профессии: циркачи инстинктивно требуют от публики, в том числе власть имущей, адекватной реакции, благодарности.

Склонность к анекдотам, дворовым и блатным песням выдает в нем эдакого потенциального или, если угодно, теневого Гомера, тайного Бояна. С той не слишком значительной разницей, что они отвечали за высокую интерпретацию мироздания, клоун — за низовую, сугубо фольклорную.

Свойства дарования Никулина станут яснее, если сравнить его с другими народными любимцами, например Петром Алейниковым. Однако прибалтненность героев последнего — след слабо окультуренной социальной действительности. Алейников будто только что шагнул в кадр с неустроенной советской улицы. А точнее, из темного окраинного переулка.

Не то Никулин, улица на нем практически не отпечаталась.

— Жить — хорошо.

— А хорошо жить — еще лучше.

Как же ему идет эта пародийная по замыслу сценаристов реплика! Не копи в себе мысли и страсти; попробуй сию секунду заселиться в веселое и беззаботное «сегодня» и комфортно в нем расположиться, словно заново родился и ничем внутри себя не обременен, — вот, пожалуй, самый сильный сигнал из тех, которые шлет он граду и миру.

ФОТО: АЛЕКСАНДР МАКАРОВИЧА НОВОСТИ

На семи холмах

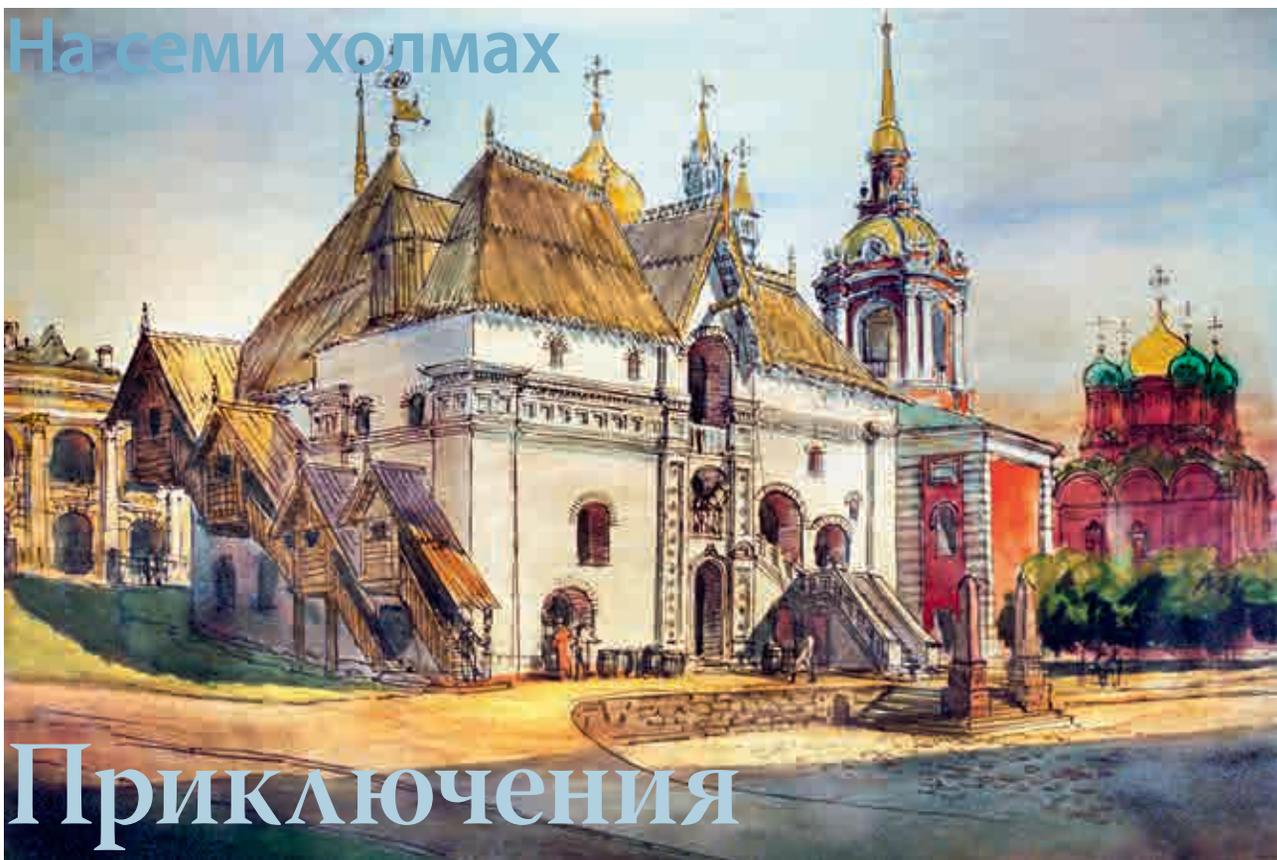

ФОТО: ВИКТОР ВЕЛИЖАНИН/ТАСС

«АНГЛИЙСКОЕ ПОДВОРЬЕ В XVII ВЕКЕ»

Приключения британцев в России

Ольга Марьяновская

«Свой» продолжает рассказывать о замечательных культурно-исторических объектах, входящих в Музейное объединение «Музей Москвы». Сегодня журнал знакомит читателей со «Старым Английским двором», бережно восстановленным столичными властями в конце XX века и вновь открытым в начале этого года.

НА ВАРВАРКЕ находится один из самых древних архитектурных памятников Москвы. Со времен Ивана Грозного до середины XVII столетия здесь обреталось старейшее представительство иностранной державы. Чудом сохранившееся здание в 1956 году обнаружил под многочисленными наслоениями и позднейшими перестройками, а затем восстановил выдающийся ученый, реставратор Петр Барановский. В 1994-м по инициативе правительства Москвы при участии королевы Великобритании Елизаветы II тут был открыт музей «Старый Английский двор».

Эти палаты в начале XVI века возводил «сурожский гость» Иван Бобрищев, по прозвищу Юшка. После его кончины они перешли в собственность казны. В 1556 году молодой царь Иван IV пожаловал дом своим новым друзьям — английским купцам из только что созданной Московской компании. Предшествовало этому полное опасностей путешествие negociантов и мореходов с Туманного Альбиона, бросивших в августе 1553-го якорь у бе-

рега Белого моря, в устье Северной Двины. Капитану судна «Эдуард Благое Предприятие» Ричарду Ченслеру и его команде очень повезло: они были встречены гостеприимными поморами. Моряки двух других кораблей экспедиции погибли при загадочных обстоятельствах.

О прибытии иностранцев сообщили русскому государю, который пригласил Ченслера в Москву. В январе 1554-го тот был принят во дворце и вручил царю грамоту от короля Эдуарда VI, желавшего наладить торговлю с отдаленными странами. Величина стольного града, красота Кремля и роскошь царской свиты поразили английского капитана. Русь представилась ему страной, чрезвычайно богатой «землей и людьми». Свои впечатления он в дальнейшем описал в «Книге о великом и могущественном царе России и князе Московском, о принадлежащих ему владениях, о государственном строе и о товарах его страны».

Весной 1554 года Ченслер отбыл на родину с ответной грамотой, в которой Иван IV пообещал королю Англии даровать право беспошлинной торговли. Обрадованные британцы учредили ту самую Московскую компанию, причем ее акционерами стали не только купцы, но и аристократы. Все они получили монопольное право торговать с нашей страной. Удачливый капитан вновь посетил Москву, и договор об экономическом сотрудничестве был заключен. В обратный путь вместе с ним и другими компаньонами отправился в августе 1556-го дьяк Посольского приказа Осип Непея.

В шторм у берегов Шотландии Ченслер и часть его команды погибли. А первый русский посланник благодаря самоотверженности моряков спасся, благополучно добрался до Лондона и передал английскому правительству царские грамоты. Вскоре после этого в столицу Руси прибыл представитель

Московской компании Энтони Дженкинсон, и с тех пор торговля между двумя странами активно развивалась. Большим спросом в Англии пользовались русские лен, пенька, масло, сало, мед, меха, воск, лес, парусина и другие товары. Многие из них (корабельный лес, например) весьма поспособствовали успехам островитян в борьбе с Великой испанской армадой. Слюдяные окна из «московского стекла» сделали более комфортными жилища британцев, а Шекспир, не искушено, творил при свечах из нашего воска.

Государь всея Руси тоже был рад заморским друзьям — много воевавшая страна остро нуждалась в оружии и боеприпасах, материалах для развития строительства, металлургии, оружейного дела.

У России не имелось флота, и западные партнеры взяли основную часть торговых дел на себя. Привозили сукно, бумагу, сахар, сухофрукты и вино из Южной Европы. Делились новыми технологиями. Иностранные специалисты — врачи, инженеры, ремесленники — приезжали из Англии для работы при государевом дворе. Первая на Руси аптека была создана для царской семьи Джеймсом Френчем (прозванным Яковом Астафьевым), присланным английской королевой Елизаветой I.

За выход на запад через Балтийское море Россия долго боролась с Польшей, Литвой и Швецией, торговая блокада со стороны соседей мешала ее развитию. Северный путь в Британию стал тогда для Москвы «окном в Европу». Царь искал в Англии военного союзника и даже строил планы на брак с племянницей королевы. После покорения Казани и Астрахани его влияние распространилось до Кавказа, и Энтони Дженкинсон с разрешения Ивана IV исследовал возможности торгового пути в Китай и Персию. Английские купцы получили право вести дела не только на севере, но и на юге Русского государства, имели представительство в Новгороде, Пскове, Ярославле, Казани, Астрахани, Костроме.

Дипломат Джером Горсей управлял на протяжении ряда лет контрольной Московской компанией, в 1580 году он помогал в доставке из Британии боеприпасов, обеспечивал переписку между царем и королевой. В 1590-е издал у себя на родине мемуары «Записки о России», пользовавшиеся большой популярностью.

В дальнейшем Московской компанией было приобретено за Ильинскими воротами в Белом городе еще одно, более обширное владение, названное Новым Английским двором.

А. Литовченко. «Иван Грозный показывает сокровища английскому послу Горсею». 1875

Двустороннее сотрудничество развивалось вплоть до 1649 года, пока царь Алексей Михайлович, возмущенный казнью в Великобритании короля Карла I, не выселил Московскую компанию с подворья и не ограничил ее в правах. На Варварку англичане уже не вернулись. При Петре I многих британских купцов принял Петербург.

Здание, связанное с их деятельностью в Москве, в последующие века часто меняло владельцев и в конце концов оказалось перестроенным до неузнаваемости. До того как его обнаружил Петр Барановский, оно считалось вовсе утраченным.

Александр Сотин,
руководитель музея
«Старый Английский двор»:

— Наш музей после двух лет реставрации вновь открылся для посетителей в январе 2016-го. Он находится, можно сказать, в самом центре главного исторического квартала столицы. Отсюда равно удобно проследовать в ГИМ, Кремль, Палаты бояр Романовых (в них жили предки будущих царей). Часть экспозиции из Оружейной палаты скоро должна переехать в расположенные неподалеку Средние торговые ряды. В следующем году откроется, опять же поблизости, природно-ландшафтный парк

«Зарядье», где высадят редкие растения разных климатических зон России, построят необычные архитектурные сооружения. С нетерпением ждем этих перемен, хотим, чтобы «Старый Английский двор» ожил как усадьба — с обязательным садом, обнесенным оградой. Прототипом может послужить барочный сад Аптекарского огорода МГУ. Все это будет прекрасно сочетаться с музеем, рассказывающим о торговой жизни Москвы XVI–XVII веков.

Купцы — старейшие дипломаты в истории человечества. С них начиналось сотрудничество между державами. Они были, как правило, людьми невысокого звания, однако сыграли важнейшую роль в международных отношениях. Наши Палаты, чей возраст насчитывает полтысячи лет, первоначально принадлежали простому торговцу, москвичу, а затем — около века — английским предпринимателям. Русские архитектурные формы здесь уживаются с британскими: реставраторы выявили несколько деталей, характерных для западных городов, к примеру, английский люк для подъема грузов на чердак. Местоположение главной резиденции Московской компании было очень удобным: в центре Китай-города, рядом с Красной площадью — основным столичным

рынком, под защитой трех колец стен, возле Москвы-реки — важнейшей торговой артерии. Самая старая комната дома — подклет — построена в начале XVI столетия глубоко под землей, стены толщиной от 1,5 до 2 метров выложены из белокаменных блоков. Крохотные, похожие на бойницы, окна едва виднеются над поверхностью земли, неровные ступени древней лестницы стерты. Тут располагался склад наиболее ценных товаров. Сохранился люк в стене для их загрузки, уцелели в толще каменных стен шкафчики того времени, «печуры» — для хранения припасов. В этом же зале можно увидеть образцы русских и английских товаров XVI–XVII веков, географические карты, модель британского галеона, копии навигационных приборов эпохи Великих географических открытий.

На основном этаже — две большие палаты. Самое главное и охраняемое помещение в доме — Казенная палата, парадный приемный зал. Здесь хранилась купеческая казна, проходили собрания торговых агентов Московской компании, деловые приемы, пиры. Интерьер реконструирован: деревянная английская мебель тех лет; зал освещается люстрой XVII века; один из углов занимает большая печь из «красных» изразцов — все это

воссоздано современными мастерами. В витринах — превосходные реплики старинных британских изданий: Библия, «Космография» Петера Апиана, конторская книга. Сени — проходная комната для приема гостей, входивших через парадное крыльцо, тут размещена экспозиция, посвященная началу дипотношений между Лондоном и Москвой: копии портретов правителей России и Англии, миниатюр русских летописей, исторических документов.

Вторая палата основного этажа — Поварня. В ней выставлена коллекция предметов обихода из жизни англичан в Москве — как подлинные археологические находки, так и копии. Когда-то в доме находились многочисленные складские помещения. Для них был оборудован чердак, куда тюки с товарами с помощью специального подъемного устройства западного образца поднимались прямо с улицы.

По завершении реставрации здания мы создали новую экспозицию с мультимедийной подачей информации. Пространство музея невелико, а нынешние технологии позволяют компактно освещать многовековую историю российско-британских отношений. Мы постарались тактично встроить современное оборудование в старинный интерьер. Сейчас сотрудники работают над интерактивным контентом. Очень многое можно сказать об англичанах, внесших вклад в развитие нашей страны: и об Энтони Дженкинсоне, который в своих путешествиях выполнял по поручению Ивана IV представительские функции в Персии, вызволял

русских заложников из Средней Азии, создал карту российских и центральноазиатских земель, вошедшую в первый в истории человечества атлас; и об Артуре Ди, алхимике, придворном враче царя Михаила; и о Джоне Традесканте-старшем, натуралисте, ботанике, коллекционере, участнике одного из посольств в Россию; и о Ричарде

Реставрация «Старого Английского двора» и недавний запуск обновленного музея стали возможны во многом благодаря деятельным инициативам, а также непосредственному финансовому участию правительства Москвы. В 2017 году здесь появится уникальный ландшафтный парк «Зарядье». Рядом с Палатами будет разбит миниатюрный усадебный сад. Все это позволит многочисленным посетителям почувствовать атмосферу русской городской жизни XVI–XVII веков.

Джемсе, филологе, составителе одного из первых словарей-дневников с перечнем русских слов, примерами наших народных песен и церковных литургических текстов (бесценное сокровище для филологов-русистов).

Сразу после того как Романовы взошли на престол, влиятельный купец Московской компании Джон Меррик содействовал примирению России и Швеции, выступал посредником при заключении Столбовского мира в 1617 году. Особого внимания заслуживает история

взаимоотношений соседствовавших на Варварке бояр Романовых и обитателей Английского подворья. Патриарх Филарет в детские годы учился у британцев латыни и многому другому. Сохранилось немало воспоминаний англичан о жизни наших соотечественников в XVI–XVII веках. В России тогда литература только зарождалась, поэтому свидетельства заезжих гостей особенно ценны.

Предлагаем посетителям массу интересных возможностей: костюмированную экскурсию, проводимую гидами в старинных нарядах, интерактивные программы «Навигацкая школа», «В гостях у английских купцов». На игровой экскурсии «Путешествие по старому дому» дети ищут клад, а находят исторические сведения и стараются представить себе жизнь далеких предков. Программа «Эпоха великих гастрономических открытий» — о том, как распространялись экзотические продукты и пряности, что подавалось на стол в Лондоне и Москве. Наш музей участвовал в туристической программе «Золотое кольцо Москвы» и некоторых других, проходивших по инициативе столичного правительства. Акция «Ночь в музее» в наших стенах создает совершенно особое настроение. Во время мастер-классов можно попробовать себя в древних профессиях: военном деле, домоводстве, географии и навигации. Все это сопровождается музыкой эпохи Возрождения. И даже те, кто стоит в очереди на лестнице музея, не скучают — для них выступают «бродячие» артисты и музыканты.

ФОТО: МАКСИМ БЛИНОВ/РИА НОВОСТИ

ФОТО: МАКСИМ БЛИНОВ/РИА НОВОСТИ

Лещ — это вещь!

Максим Сырников

Как писал в XIX веке замечательный отечественный исследователь и писатель Леонид Сабанеев: «Лещ слишком хорошо известен каждому, чтобы во всех подробностях описывать его наружность».

И В САМОМ деле, любимца русских рыбаков — от Северной Двины до Дона и Кубани, в изобилии водящегося (до сих пор!) в Волге, Оке, Каме, озерах Ладожском, Онежском, Селигере, — кто ж не знает!

И знают, и ловят, а потом коптят, солят, вялят. А еще в уху кладут, на масле жарят, в духовке запекают.

Лещ — рыба очень вкусная и жирная.

Но уж больно костлявая.

Можно поступить с ним следующим образом.

ФОТОГРАФИИ: PHOTOPRESS

Рыбину выпотрошить, почистить и промыть. Обжарить в масле размоченные и нарезанные ланшой грибы с луком. Смешать все с рассыпчатой гречневой кашей. Посолить, добавить ложку сливочного или растительного масла.

Начинить леща кашей. Если каши слишком много, брюхо зашить ниткой.

Затем натереть рыбу солью.

Запекать можно в фольге

или прямо на противне —

с небольшой порцией масла.

В процессе запекания

обязательно поливать сверху

выступающим соком.

Лещ на 1–1,5 кг

Каша из двух стаканов

гречневой крупы

Горсть сухих белых грибов

Две луковицы

Три ложки масла

Соль, черный перец

Своей

ДЕКАБРЬ 2016

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Византики